

Юлия Вознесенская

Паломничество Ланселота

Юлия Вознесенская

Паломничество Ланселота

«Лепта Книга»

2014

УДК 821.161.1-31Вознесенская Ю.
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Вознесенская Ю. Н.

Паломничество Ланселота / Ю. Н. Вознесенская — «Лепта Книга», 2014

«Паломничество Ланселота» – продолжение романа «Путь Кассандры». Действие книги происходит в недалеком будущем – после экологической катастрофы и объединения европейских государств под властью президента, называющего себя «мессией». Отправляясь на далекий остров Иерусалим за планетянином Лансом, который хочет получить исцеление от «мессии», мы по-иному начинаем понимать известные истины – любовь, веру, добро...

УДК 821.161.1-31Вознесенская Ю.
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	31
Глава 6	38
Глава 7	44
Глава 8	53
Глава 9	60
Глава 10	69
Глава 11	77
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Юлия Вознесенская

Паломничество Ланселота

© ООО «ГрифЪ», оформление, 2014.

© ООО «Издательство «Лепта Книга», текст, иллюстрации, 2014.

© Вознесенская Ю.Н., 2014.

* * *

*Посвящается моим сыновьям Андрею и Адриану-Артуру
Окуловым*

*«...Ты был кротчайшим и учтивейшим мужем,
когда-либо садившимся за стол вместе с дамами,
а для смертельного врага – суровейшим
противником,
когда-либо сжимающим в руке копье».*

Мэлори, «Смерть Артура», слово сэра Эктора о сэре Ланселоте

*«Если мы не сможем родить Ланселотов,
общество распадется на жестоких и ничтожных
(о тех, кто сочетает жестокость с
ничтожеством, говорить не буду)».*

К. С. Льюис

*«Куда пойду от духа Твоего и от лица Твоего куда
убегу?
Взойду ли на небо – Ты там, сойду ли в
преисподнюю —
там Ты. Возьму ли крылья зари и преселюсь на
край
моря, – и там рука Твоя поведет меня
и удержит меня десница Твоя».*

Пс. 138, 7-10

Господи, благослови!

Часть первая

Глава 1

Был ясный весенний день. Сэр Ланселот Озерный шагал по дороге, идущей в обход Драконьего леса в замок Камелот. По краю дороги росли столетние дубы, а вымощена она была еще римлянами, в древнем Логрисе было немало таких дорог. Над головой у сэра Ланселота пел жаворонок, в лесу ворковали горлинки, по заросшим травой обочинам звенели кузнечики. А может, и цикады, кто их, мелких, разберет. Дорога шла через поля и верешатники, огибала холмы-курганы с редкими большими деревьями на вершинах, ненадолго забегала в лес и снова выходила под открытое небо. Стоял апрель, лес был зелен и прозрачен, вереск лилово-розов, по склонам холмов добрые крестьяне уже раскинули на просушку разноцветные полотнища полей, обочины дороги пестрели наивными весенними цветочками. Вокруг было мирно и весело, дышалось привольно, шагалось легко.

– Хок-ку, хок-ку! – меланхолично взывала где-то на опушке леса кукушка.

– Тебе нравятся хокку? – улыбнулся сэр Ланселот. – Мне тоже.

– Хок-ку! Хок-ку! Хок-ку! – продолжала клянить кукушка.

– Знаешь, я не захватил с собой книжечку японской поэзии, ты уж прости, птичка. А впрочем...

Сэр Ланселот остановился, секунду-другую подумал, а затем нараспев произнес:

Рыцарю меч не скрестить
с мечом самурая, но песня кукушки
тоску на обоих наводит.

Кукушка обиженно квакнула и замолчала.

Ланселот засмеялся, помахал рукой в сторону опушки и зашагал дальше. И до чего же хорошо было вот так шагать и шагать по дороге, дыша свежим утренним воздухом, любуясь весенними холмами, переходя по замшелым каменным мостикам речушки с быстро бегущей чистой водой. О, дивный край, зеленый Логрис! Сэр Ланселот Озерный всем сердцем любил эту страну, где страстью зовется тяга к подвигам, одержимостью – любовь к приключениям, а бахвальство и лень – наихудшие из встречающихся пороков; страну, в которой при слове «любовь» на ум приходят баллады, а при крике «Тревога!» – мысль о драконе из соседнего леса; страну, где волшебника Мерлина считают хорошим врачом и никудышным пророком, ибо нередко пророчит дурное, а кто же любит такие пророчества? Страну, в которой камин и печи топят дровами, где даже простые крестьяне едят настоящие овощи, хлеб и мясо, пьют молоко и носят одежду из холстины, сукна и льна...

Но что это там такое? Показалось ему, или он в самом деле уловил боковым зрением мелькнувшее на холме крутое белое облачко? Вон на том горделивом холме, увенчанном короной из семи изумрудных елей, не Индрик ли это там, за желтым утесником, за темным остролистом? Сэр Ланселот сошел с дороги и начал осторожно подниматься на холм, туда, где мелькнула белоснежная тень. Он прошел мимо зарослей утесника, мимо куп остролиста, поднялся почти к самой вершине и остановился, не зная, очарован он или разочарован: перед ним стоял терновый куст, сплошь усыпанный белым цветом, вблизи похожий уже не на гордого единорога, а на застенчивую деревенскую невесту в свадебном уборе. Рыцарь протянул руку и осторожно коснулся нежно-пушистой ветки. Недостаточно осторожно коснулся – на его указательном пальце выступила капля алой крови.

– Ах ты недотрога! – улыбнулся сэра Ланселот и слизнул кровь с пальца. – Соблюдаешь «правило двух вытянутых рук»? Правильно, с нами, рыцарями, так и надо.

Еще разок вдохнув горьковатый аромат цветущего терновника, сэра Ланселот развернулся, откинул за спину зеленый замшевый плащ и легкими длинными прыжками спустился с холма на дорогу. На обочине он почти сразу же высмотрел остроконечный подорожник: покойная матушка почему-то именно такой подорожник считала наиболее целебным. Он обмотал палец длинным зеленым листом и вновь зашагал к Камелоту.

Замок короля Артура издали казался маленьким городком, так много башенок и шпилей с флюгерами и штандартами теснилось над его высокими зубчатыми стенами.

Вскоре сэра Ланселот был уже под стенами Камелота. Подъемный мост через замковый ров был опущен, а железная решетка в воротах поднята, но не гостеприимно, до самого верха, а лишь наполовину. Непорядок и запустение! Однако когда сэра Ланселот уже шагнул по мосту, мальчишки-герольды все же вышли из надвратной башни, подняли трубы и протрубили приветственную мелодию. Но только один из них доиграл ее до конца, а второй на середине мелодии вдруг опустил трубу, сделал изящный поклон, развернулся и танцующим шагом удалился в башню. Ланселот усмехнулся и покачал головой. Укорять герольда за недостаток вежливости не имело смысла, ведь это был фантомный мальчик.

Во дворе замка он никого не встретил, прошел мимо пустой коновязи и старого колодца к донжону и поднялся на второй этаж. На лестничной площадке рядом с рыцарскими доспехами стояло большое серебряное зеркало на каменном постаменте; после долгих споров со строгим декоратором Сандрой его все-таки поставили тут камелотские дамы: им, видите ли, требовалось бросить на себя последний взыскательный взгляд перед входом в пиршественный зал. Где они теперь, эти гордые, капризные и прекрасные дамы... На ходу сэра Ланселот увидел в зеркале свое отражение: смуглое лицо с глубоко посаженными серыми глазами, черные с проседью кудри, такие же усы и борода, длинный синеватый шрам на щеке и еще пара небольших шрамов на лбу – в общем, заурядное и мужественное лицо высокородного рыцаря средних лет.

В пиршественном зале у камина сидел король Артур с золотым кубком в руке. Сидел он на троне, еще в середине прошлой суровой зимы перенесенном с парадного возвышения поближе к огню. Рядом стояло простое деревянное кресло – Ланселотово. Волнистые белые волосы короля падали ему на лоб и плечи, корона-обруч была надвинута на самые брови, а тонкое горбоносое лицо с небольшой бородкой немного портило гримаса скупающего человека. У ног короля лежала Диана, последняя собака Камелота.

Когда-то в старом замке была добрая дюжина фантомных собак разного возраста и разнообразных пород, и у них даже водились щенки. Но, как известно, со временем фантомы изнашиваются и бледнеют, если их периодически не подпитывать, а на это нужны деньги, и вот их-то как раз и не было. Бедная Дианка уже дряхлеет, отуманивается и понемногу превращается в призрак собаки. Скоро она и вовсе растает. Жаль, конечно, но ничего не поделаешь – королевство у них бедное, захудалое, можно сказать, королевство.

Король Артур обрадовался сэру Ланселоту и тут же предложил кубок вина с дороги.

– Где странствовал мой доблестный Ланселот? – спросил он.

– В северных морях.

– Были приключения?

– Да нет, ничего особенного: видел пару морских драконов, отогнал их от берега в открытое море.

– И конечно, освободил какую-нибудь морскую царевну?

– Чудищ в тамошних водах много, а вот царевны что-то не попадают. Вода, наверное, холодная... Между прочим, ваше величество, левый герольд не доигрывает до конца приветственную мелодию.

– Я уже заметил. Надо будет им заняться.

- Без меня кто-нибудь заглядывал в Камелот?
- Два проезжих рыцаря-крестоносца. Но им у нас не понравилось.
- Они, верно, ожидали встретить в замке разгульный пир с красивыми и доступными девицами?
- Вроде того. Эти невежды даже не знали, почему на плащах у них нашиты кресты и зачем они направляются в Иерусалим. «Погрابتить маленько!» – сказали они, когда я спросил их о цели похода. Я этих крестоносцев угостил и вежливо выставил.

- А знаешь, король, они не соврали: паладины Господа Бога грабили охотно и умело.
- Вот-вот, и морды у них были самые разбойничьи.

– А больше никто не заезжал?

– Больше никто.

– Да, друг король, захирел наш Камелот, опустел твой Круглый стол, – сказал сэр Ланселот, протянув ноги к огню и попивая подогретое вино. – Послушай, а давай-ка устроим тебе королеву! Я начну за ней куртуазно волочиться, ты станешь ревновать – вот и драма, вот и развлечение.

Король наклонился, поставил кубок на каменный пол рядом с креслом, выпрямился и укоризненно взглянул на сэра Ланселота.

– Ты это серьезно? Ты хочешь поселить здесь, в Камелоте, красивую фантомную дуру в качестве королевы?

– Ну да...

– А хочешь, я скажу, зачем это тебе надо, сэр Ланселот Озерный?

– Слушаю, мой король.

– Ты хочешь, чтобы я занимался ею во время твоих постоянных таинственных отлучек и не скучал. Благодарю за заботу, Ланс, но, право же, не стоит труда. Такая королева очень скоро надоест мне до оскомины.

– Да, фантомная королева – это скучно и утомительно, ты прав, друг король. Вот Сандра – та могла вызывать персон, она сумела бы пригласить для тебя настоящую Гвиниверу.

– А настоящая Гвинивера оказалась бы стервой, и нам обоим житья бы от нее не стало, – король поднял свой кубок и пригубил.

– Вполне возможно, друг король, что Гвинивера-персона не пришлась бы по вкусу ни мне, ни тебе, тут заранее не угадаешь. И страшно даже представить, какие из того могли бы произтечь неприятности! Так что, выходит, все и к лучшему.

– У тебя, сэр, все к лучшему, – проворчал король.

Они помолчали, потягивая вино и глядя на огонь.

– Знаешь, мне сегодня показалось, что я видел на холме Индрика, – сказал Ланселот.

– Показалось?

– Увы. Я подошел, а это цветущий терновый куст. Вот – укололся о шип.

Король покосился на зеленый палец Ланселота и пожал плечами:

– Как можно спутать единорога с терновым кустом, Ланс?

– Я же спутал.

– А какой прекрасный был единорог и как он пел! Мы больше никогда не услышим его дивных печальных песен...

– Что до меня, то мне, признаться, больше нравились бодрые песни Фафнира. Например, улетный марш драконов, – и Ланселот запел нарочито хриплым басом:

Когда драконы разворачивают крылья,
пред ними ветер гонит пыль и прах.
Когда летит драконья эскадрилья —
внизу царят смятение и страх.
Гребень – по ветру,
крылья – вразлет!
Драконы, вперед!
Только вперед,
а не наоборот!

Король, поначалу слушавший Ланселота с заблестевшими глазами, вдруг понял, что его разыгрывают, швырнул кубок об пол и воскликнул:

– Ланселот! Гнусный рыцарь и жалкий обманщик! Не было у Фафнира никакой драконьей эскадрильи и не пел он никогда такого дурацкого «улетного марша»! Признайся, что ты только что его сочинил!

– Ну и сочинил. А что мне остается делать, если мой король по крайней мере раз в месяц устраивает в Камелоте пару дней вселенской скорби: хандрит, капризничает, раздражается по всякому поводу и того гляди соорудит фантомного палача и велит отрубить мне голову вместе с обручем? Как же мне не попытаться развеселить твое печальное величество? Или в Камелоте уже и пошутить нельзя стало?

– Шути на здоровье. Только знаешь, сэр Ланселот, шутки у тебя в последнее время какие-то... казарменные.

– Рыцарская казарма? Звучит исторически недостоверно, но вполне оскорбительно, и я оскорблен. Вызываю тебя на поединок, король!

– Отстань.

– Да не будь же ты таким унылым, Артур!

– А ты не будь таким жизнерадостным занудой. Мне скучно, вот я и скучаю.

– Конечно, у нас в Камелоте в последнее время стало скучновато, но ты вспомни, как весело мы жили раньше, при Сандре!

– Я все помню. Но ведь это – в прошлом.

– А до веселого прошлого с Сандрой у нас было скучное прошлое без Сандры. Помнишь, какая тоска была в Камелоте до ее прихода? А сама наша Реальность? Посмешище была, а не Реальность! Чего стоила одна русская печь, которой мы отапливали замок. И куковали мы с тобой вдвоем, как и сейчас, друг король! Кстати, напомни мне как-нибудь рассказать тебе про кукушку, любительницу японской поэзии... Так вот, вспомни: пришла Сандра, за нею появились рыцари и прекрасные дамы, начались настоящие приключения. А какие персоны нас посещали! Индрик! Мерлин! Фафнир! Помнишь, как этот зверюга любил загорать на площадке надвратной башни, свесив свой хвост прямо в проход? Лежит таким котиком и будто никого не замечает, а когда кто захочет пройти в ворота, он только слегка качнет шипастым хвостом – и у любого храбреца вмиг слабеют коленки.

– Да, умел напугать страху наш дракоша, – сказал король, грустно улыбаясь.

– Конечно, с персонами гораздо интереснее, чем с фантомами, – продолжал Ланселот. – Персоны непредсказуемы, у каждой собственный характер и поведение.

– А ты помнишь, Ланс, как обозвал меня Мерлин, когда впервые появился в нашем замке?

– Тебя обозвал – нашего короля? И что же сказал этот старичина?

– Он заявил, что никакой я не король Артур, а «просто взбесившийся кролик». А я сам тогда не знал, что Артур означает «бешеный медведь», мне Сандра потом объяснила смысл этой оскорбительной шутки.

– Да, шуточки у Мерлина были грубоваты. Как сказал бы один мой знакомый король, казарменные у него были шуточки...

– Оставь! И прекрати меня утешать – я безутешен. Все равно без Сандры и остальных стало так тоскливо, что хоть беги из Реальности. Все теперь не то... – и король печально уставился на подернутые пеплом угли.

Ланселоту надоело сидеть в кресле, он поднялся и стал прохаживаться по залу, разглядывая обветшавшие гобелены.

– Ланс, скажи откровенно, тебе по-прежнему нравится наша Реальность? – спросил вдруг король.

– Да, Артур, мне очень нравится наша Реальность.

– А что тебе больше всего в ней нравится?

– Ноги.

- Какие ноги? – опешил король и подобрал протянутые к камину ноги.
- Мои ноги.
- Ты шутишь?
- Вовсе не шучу. Мне нравится, что я могу прямо сейчас выйти за дверь, спуститься по лестнице и отправиться своими ногами гулять куда вздумается. Пойдешь со мной?
- Идти и на ходу сочинять, что именно ты увидишь за поворотом? Уволь! У меня не так развито воображение, ведь это тебя, а не меня воспитала фея Моргана.
- Тогда, может быть, ты выйдешь со мной и проводишь меня хотя бы до леса?
- Зачем?
- Ну... Я мог бы показать тебе терновый куст, который издали похож на единорога, а вблизи – на невесту.
- Ты же знаешь, сэр Ланселот, что я король-домосед. Не хочется мне сегодня выходить из замка да и вообще двигаться.
- Тогда вот что, друг король, – сказал Ланселот, теряя терпение, – сейчас я выйду из Реальности, а завтра приду, и мы снова посидим с тобой у камина и побеседуем. Я надеюсь, что твоя хандра к тому времени пройдет. Ну, я пошел! Пока, друг король!
- Позволяю тебе удалиться, сэр Ланселот, – быстро и сердито проговорил Артур, и Ланселот, посвистывая, удалился, оставив короля хандрить у потухшего камина.

Глава 2

Мессия был не в духе, Мессия нервничал. Он сидел в высоком кресле во главе стола заседаний, мрачно склонив прекрасное лицо, и молчал. Его правая рука, уже обработанная, лежала на столе, и пальцы ее шевелились, сжимались в горсть и разжимались, будто собирали с зеркальной поверхности стола несуществующие крошки. Над другой рукой еще продолжал трудиться маникюрщик. За ночь красивые длиннопалые руки Мессии покрывались густыми рыжими волосами, почти шерстью, а ногти вырастали на полтора сантиметра и загибались внутрь наподобие когтей хищной птицы. Никто из врачей не знал, что это за напасть такая, и никто не умел помочь Мессии от нее избавиться. Когти и волосы на руках вождя человечества и целителя страждущих приходилось удалять к утренней программе новостей: утро планетян начиналось с короткого выступления Мессии, и если бы он пренебрег этим каждодневным благословением народов, в мире разразилась бы паника. Да, мир всегда с надеждой взирал на Мессию, но сам он сегодня не был доволен порученным ему миром.

– Начинайте докладывать, – обратился он к членам мирового правительства. – Как там ваша саранча, Пульман?

Министр сельского хозяйства Фритц Пульман откашлялся и начал:

– Благодаря своевременно принятым мерам и отчасти северному ветру в бассейне Средиземного океана продвижение саранчи на север удалось существенно замедлить. К отрядам экологов по вашему приказу, мой Мессия, присоединилась армия клонов, и она оказывает существенную помощь в борьбе с саранчой.

– Что именно делают клоны?

– Э... Об этом лучше спросить генерала Чарльстона.

– Генерал?

Генерал клон-армии Джордж Чарльстон вытянул шею, презрительно покосился на министра сельского хозяйства и ответил коротко:
– Выжигают.

– Что выжигают?

– Все, мой Мессия. Поля, сады, фермы, поселки, леса.

– Чем выжигают?

– Напалмом, естественно, – генерал пожал острыми старческими плечами, вздернутыми как у геральдического орла.

Пульман привстал со своего кресла.

– Ну? – повернулся к нему Мессия.

– Мой Мессия! По поводу применения напалма у меня есть некоторые возражения. Напалм, безусловно, уничтожает саранчу, но он также губит созревающий урожай и новые посевы. Обработанные напалмом поля нельзя будет засеивать ближайшие два-три года. Саранча и напалм равно несут голод населению.

– Министр продовольствия, у вас есть что послать в эти районы?

Министр продовольствия Моратти сокрушенно вздохнул и покачал лысой головой.

– Нет, мой Мессия. Все запасы исчерпаны. Во всей Европе продовольствия осталось практически на месяц. Во многих районах юга уже начался голод.

– Генерал, применяйте против саранчи вместо напалма водородные бомбы локального воздействия.

– Слушаюсь, мой Мессия!

– И сбрасывайте бомбы в первую очередь на голодающие районы: напалмом эти язвы не выжечь. А вы, Моратти, кажется, забыли, что я еще на прошлой неделе приказал вам покончить с голодом?

– Да, Мессия, но запасы продовольствия подошли к концу. Как может одна Скандинавия прокормить всю остальную Европу?

– Кто у нас министр продовольствия, Моратти, я или вы? Немедленно изыщите способ пополнить запасы продовольствия.

– Но, мой Мессия, их нечем пополнять! Против нас будто ополчились и Бог, и природа...

– Молчать!

Мессия вытянул в сторону Моратти уже обритый указательный палец: министр поперхнулся невысказанным словом и замер, как в детской игре, выпучив глаза и не успев закрыть рта.

– Джубран, у вас есть на этот счет какие-нибудь соображения? Разумеется, помимо тех, что пытался тут излагать ваш бывший шеф. Но даже не пытайтесь заикаться о природе и прочей подобной чепухе!

Сидевший рядом с застывшим министром продовольствия его заместитель, смуглокожий и гибкий брюнет, вскочил с места и отвечал, быстро и глубоко кланяясь:

– Да, мой Мессия! Не только соображения, но и конкретные предложения, а также практические разработки.

– Да сядьте вы и перестаньте кланяться, как трясогузка! Вы представляли ваши соображения министру продовольствия?

– Да, – сказал Джубран, усаживаясь на свое место и все-таки не удержавшись при этом от еще одного почти незаметного для глаз поклона.

– И какова же была реакция вашего шефа?

– Господин министр продовольствия изволил заявить, что я болван и что от моих предложений его тошнит.

– Интересно, что ж это вы такое ему предложили?

– Во-первых, я предложил ему новую продовольственную концепцию: если продовольствия не хватает для удовлетворения запросов потребителей, следует в первую очередь заняться сокращением числа потребителей с помощью имеющихся ресурсов продовольствия: это и дешевле, и эффективнее.

– Не понял?

– В стандартные продукты питания можно добавлять средство для эвтаназии, направляя их затем в те районы, которым грозит голод.

– Остроумно! А еще что?

– Затем я предложил господину министру послать продовольственные отряды клонов в районы нашествия саранчи для сбора и обработки акрид.

– Сбора чего?

– Акрид. Акриды – это новый вид питания, разработанный под моим личным руководством в одной из лабораторий Института питания Мировой академии наук. Это съедобные животные, точнее крупные насекомые вида *Gryllus migratarius*. «Акриды» – древнее название, но можно предложить и другое, более современное и понятное широкому потребителю, а именно – «сухопутные креветки». В настоящий момент сама природа, да простит мне мой Мессия это упоминание, милостиво позаботилась о том, чтобы предоставить нам практически неограниченное количество ценного белкового продукта. Мой Мессия, разрешите мне представить уважаемому собранию разработанные нами образцы.

– Представьте.

Мессия и все министры, кроме застывшего Моратти, заинтересованно смотрели на Джубрана. Тот поднялся, поставил перед собой кейс, раскрыл его и начал выставлять на стол пакеты, коробки, коробочки и банки.

– Вот это – акриды сушеные. Вкус отвратительный, но количество протеинов отменное. Годится для питания клонов, а также может быть использовано при изготовлении всевозможных энергетических напитков на фабриках питания – в смеси с другими продуктами и с добавлением ароматизаторов и витаминов, – он вытащил из пакета сушеную саранчу, продемонстрировал ее присутствующим и небрежно бросил обратно в пакет.

– А вот это, – интригуяще проговорил Джубран, доставая глянцеваый коричневый трупик из другого пакета, – это стоит попробовать всем присутствующим. Перед вами акрида копченая! Признаюсь без ложной скромности, это самая большая удача нашей лаборатории.

– Раздайте, – кивнул Мессия.

Джубран пустил пакет вдоль стола. Министры и заместители с опаской и едва скрываемым отвращением брали копченую саранчу и, расстелив на столе перед собой бумажные салфетки, принялись чистить акриды, как чистят раков. Мессия протянул длинную руку к соседу, министру энергетики, выхватил у него еще не почищенную акриду, бросил в рот и с хрустом разжевал.

– А ведь недурно! – удивился он и протянул руку: – Ну-ка, еще одну.

– Смею заметить, мой Мессия, – сказал Джубран, вскакивая с места и почтительно поднося Мессии пакет с копченой саранчой, – эти самые акриды использовались в пищу населением ближневосточных стран еще в глубокой древности. Между прочим, христианские отшельники в пустыне, в том числе и знаменитый Иоанн Креститель, питались исключительно акридами и диким медом.

– Святые лопали саранчу? Забавно! – Мессия улыбнулся, а министры захихикали: напряжение и страх постепенно оставляли их, и они заметно успокаивались.

Джубран между тем продолжал:

– Предлагаю вашему вниманию – акриды консервированные, акриды маринованные и акриды в масле – отменная закуска, между прочим! – вяленые акриды – эти вполне могут стать лакомством бедноты. И, наконец, особое предложение министру сельского хозяйства – кормовая мука из акрид: этой мукой можно откармливать свиней и птицу, а также добавлять в корм крупному рогатому скоту. Мой Мессия и господа министры! Я утверждаю, что мы имеем возможность превратить нашествие саранчи, это всепланетное бедствие, в основу всепланетного благоденствия.

– Проще говоря, перекрестить саранчу в акриды, – ухмыльнулся Мессия. – Ловко!

Мировое правительство угодливо захихикало.

– Особо хочу отметить, – продолжал Джубран, – что за эти разработки мы принялись по призыву нашего Мессии, который велел бросить все силы на решение продовольственной проблемы. Мне кажется, руководимая мной лаборатория этот наказ Мессии успешно выполняет. Но я, конечно, могу ошибаться, и в этом случае, уверен, мой Мессия меня поправит. Это все, мой Мессия.

Маникюрщик тем временем закончил обработку левой руки Мессии и тихо исчез. Ничего не ответив Джубрану, Мессия встал и подошел к пребывающему донныне в столбняке министру продовольствия. Он возложил свои руки, вновь ставшие самыми красивыми руками на планете, на плечи своего министра и сказал негромко и проникновенно.

– Дорогой помощник и друг, незабвенный Джузеппе Моратти! Я благодарю тебя за многолетнюю верную службу и прощаю тебе твои ошибки последнего периода – самого трудного периода в жизни мирового сообщества и моей. Я сам должен был заметить, что ты устал. Ты исчерпал свои возможности, мой бедный дорогой Джузеппе! Отправляя тебя на заслуженный отдых, я скажу от своего имени, от имени мирового правительства и всей Планеты: спи спокойно, добрый труженик, благодарные планетяне тебя не забудут!

Мессия, продолжая левой рукой держаться за плечо бывшего министра продовольствия, правой обнял его за горло спереди и резко дернул руку назад. Раздался хруст. Мессия отошел, вытирая руки платком, а бывший министр остался сидеть с неестественно запрокинутой за спинку кресла головой.

– Почтим его уход вставанием, – сказал Мессия и тем же платком промокнул сухие глаза.

Все министры и заместители встали и склонили головы.

– Уберите это, – негромко бросил Мессия охранникам, стоявшим за его спиной.

Два охранника подскочили к труп Моратти, подцепили его под руки и бегом вынесли из кабинета.

– Министр продовольствия... – Мессия прикрыл глаза и на мгновение замер, будто прислушиваясь к чему-то, а затем продолжил: – Исмаил аль-Идлиби Джубран, вы хотите еще что-нибудь прибавить к вашему сегодняшнему блестящему выступлению?

– Хочу лишь добавить, что мы продолжаем поиски новых методов использования акрида на пользу планете и во славу Мессии.

– Вы хорошо вступаете в должность, мой молодой друг. Пища святых отшельников – это надо же! Однако... Уберите эту гадость со стола! Да не вы, Джубран! Вы сидите спокойно, слушайте и думайте. У меня здесь мало кто думает.

Один из охранников подскочил к столу, вытянул из кармана платок, протер стол перед Мессией, а потом платок с остатками растерзанной акриды сунул обратно в карман. Прочие члены кабинета министров сделали то же самое, используя собственные платки и бумажные салфетки со стола.

Мессия между тем обратился к сухощавому старику:

– Министр людских ресурсов!

– Я вас очень внимательно слушаю, – проговорил министр людских ресурсов Делардье.

– Сколько у нас сейчас людей?

– Простите, мой Мессия, вы имеете в виду граждан Планеты или вообще население Земли?

– Дайте обе цифры.

– Планетян сейчас восемнадцать миллионов, а всего на Земле в данный момент проживает около трехсот миллионов человек.

– Много, слишком много и тех, и других! Ладно, до русских и китайцев нам пока не добраться, но почему же так много планетян?

– Следуя вашим указаниям, мой Мессия, мы постоянно и планомерно сокращаем число граждан Планеты.

– Если бы вы следовали моим указаниям, – фыркнул Мессия, – сейчас на моей шее было бы не более десяти тысяч человек: три тысячи избранных полноправных граждан и психически обработанный обслуживающий персонал. Все остальные – лишние, лишние, лишние, сколько раз вам повторять! Армию и пролетариат должны составлять только клоны! Люблю я этих послушных малышей... А человечешек на Планете слишком много, мне столько не требуется!

– Мой Мессия, позвольте! Я приготовил на ваше рассмотрение новый закон об эвтаназии, – сказал Делардье и вытащил бумаги из кейса.

– Да не шуршите вы своими бумажками, так докладывайте!

– Слушаюсь. Я предлагаю ввести обязательную эвтаназию для всех одиноких инвалидов и хроников.

– Это связано с большими организационными трудностями и большим расходом дорогостоящих медикаментов, – заметил министр здравоохранения Славичев.

– Абсолютно никаких трудностей, – возразил Делардье, досадливо прикрывая глаза сухими пергаментными веками.

– Ну как же никаких? Не везде на местах есть пункты эвтаназии. А как вы принудите инвалидов явиться по вызову, если они, допустим, не намерены расставаться с жизнью?

– Все продумано, Славичев, – тонко улыбнулся Делардье. – Пункт эвтаназии организуется очень крупный и хорошо оснащенный, но зато один на всю Планету.

– Это где же? – поднял брови Мессия.

– Здесь, в Иерусалиме, мой Мессия. А инвалиды со всего света соберутся сюда сами. Достаточно объявить неограниченное право на исцеление для всех. Инвалиды хлынут со всех сторон.

– Не понял, в чем суть?

– В том, чтобы собрать весь человеческий балласт в одном месте, где его можно будет быстро и дешево ликвидировать.

– Где вы их всех разместите, хотел бы я знать? Кстати, ни у кого не появилось никаких новых соображений, как нам проникнуть на «недоступные острова»? Генерал Чарльстон?

– Увы, мой Мессия, эти острова – Воскресенский, Елеон, Горний, Иерихон и прочие по-прежнему недоступны ни с воды, ни с воздуха, и что там на самом деле происходит, наука объяснить не может.

– Вот и хорошо, что не может... Бомбить продолжаете?

– Естественно, мой Мессия.

– Ну и каков результат?

– Никто из бомбивших не вернулся, чтобы рассказать об этом.

– А острова?

– Стоят как стояли.

– Понятно. Значит, использовать «недоступные острова» мы все еще не можем... Ну так что же вы там решили с грядущим нашествием инвалидов, Славичев?

– Часть их, естественно, погибнет в пути – это нетрудно организовать, учитывая современную обстановку. А добравшихся до Иерусалима мы соберем на стадионе и скоренько избавим от страданий с помощью иприта в смеси с веселящим газом.

– Такое уже бывало, – кивнул Мессия. – Но некоторых инвалидов я могу действительно исцелить – для рекламы. Кто бы знал, как утомляют меня физически и нравственно эти идиотские исцеления! Однако сегодня каждый инвалид или хроник, надеющийся на исцеление по жеребьевке, приносит нам полпланеты в неделю. Как с этим?

– Об этом я как-то не подумал, мой Мессия...

– Надо думать, дружок, всегда надо думать! Иначе бы я вместо вас посадил за этот стол тринадцать клонов.

– Можно назначить плату за исцеление...

– Не годится! Исцеления Мессии бескорыстны, об этом знает весь мир.

– У меня предложение, – поднял голову министр финансов. – Я бы поставил вопрос таким образом: чудеса Мессии служат всему народу, и народ жаждет поклоняться своему Мессии в соответствующей обстановке, то есть в Храме. А потому каждому пилигриму, отправляющемуся на исцеление в Иерусалим, надо позволить внести сто планет на восстановление Иерусалимского храма. До исцеления, естественно, а не после... И предложим это, конечно, не мы, а сами инвалиды и хроники.

– Принято, – кивнул Мессия. – Разрабатывайте программу глобального исцеления страждущих. А Храм давно пора достроить, Апостасий уже надоел мне со своими претензиями. Ну что ж, господа министры, я удовлетворен, сегодня мы плодотворно потрудились. Будем расходиться.

Министры встали и запели Общий Гимн, прославляющий Мессию:

Союз нерушимый народов свободных
сплотил ты навеки, Мессия-отец!

– Заканчивайте без меня, – буркнул Мессия, вставая и идя к дверям.

За дверью зала заседаний Мессия остановился и прислушался: после его ухода энтузиазм поющих иссяк, и они допели Гимн без первоначального воодушевления. Мессия покачал головой и удалился в сторону лифта. Студия, в которой записывались его личные обращения к человечеству, помещалась на девяносто девятом этаже Вавилонской Башни, резиденции Мессии на острове Иерусалим.

Глава 3

Ларс Кристенсен, смотритель и экскурсовод музея-усадьбы Известного Писателя, рыбак и ловец креветок, он же друг короля Артура сэра Ланселот Озерный или просто Ланс, уже с утра понял, что сегодня – не его день. Время от времени его большой позвоночник крепко давал знать о себе, и приходилось с этим считаться. Ну что ж, он проведет весь этот день дома: включит на полную мощь отопление, приготовит себе ужин, сделает грог, выпьет обезболивающее и уйдет на весь день в Реальность. Король Артур что-то хандрит в последнее время, и будет совсем нелишним сочинить для них какое-нибудь незатейливое приключение.

Ланселот приподнялся в постели и пересел в стоявшую рядом коляску. Душ он принимать не стал, ни холодный, ни горячий, только умылся и почистил зубы. Через силу, без аппетита позавтракал, приготовил себе грог, принял обезболивающее, подкатил коляску к персонажу и стал смотреть программу новостей, потягивая грог из большой глиняной кружки.

Утренние планетные новости имели региональное дополнение «Погода в Скандинавии», и в нем прозвучало штормовое предупреждение: в Норвежское море с севера Атлантики идет шторм. Теперь стало ясно, что спина ныла к непогоде. Но как бы там ни было, а теперь надо было подниматься и отправляться за ловушками. Грог – это еще ничего, с половины кружки его не развезет, а вот обезболивающее он не стал бы принимать, если бы знал, что ему придется сегодня выходить в море. А идти надо далеко, до маяка у выхода из Тронхеймс-фьорда: там у него поставлены новые ловушки, и если он не хочет их потерять, отправляться за ними следует немедленно. Ловушки эти пластиковые, легонькие, добычу из них можно просто высыпать в ящики, а не выгребать сачком, как из тяжелых железных. Зато если на дно железной ловушки опустить пару камней, она плотно ляжет на дно и выдержит любой шторм, а пластиковую волна уже в четыре балла рвет в клочья. Одеваясь для выхода в море, Ланселот в который раз подумал, что, если бы удалось достать железную сетку, он бы наделал себе новых ловушек по образцу старых, отцовских. Но где теперь найдешь хороший добротный материал? Все на свете стало каким-то непрочным, даже одежда планетян выдерживает только сутки носки, и еще хорошо, что он по инвалидности освобожден от ношения стандартного пластикового костюма. Ланселот надел свитер, натянул куртку-штормовку, а поясницу вдобавок обмотал шарфом.

Он выехал на крытую сверху террасу, и будто кто-то наотмашь хлестнул по его лицу мокрым полотенцем – шквалистый ветер уже нес с собой мелкие брызги дождя. На террасе он пересел из домашней коляски в тяжелую уличную, с мотором на батарееке Тэсла, заложил дверь дома на засов, чтобы ее не распахнул ветер, и съехал по широкому пандусу на каменистую дорожку, ведущую к причалу в небольшом заливишке.

Он въехал на палубу катамарана по короткому широкому трапу. По пути к рубке Ланселот заглянул в трюм – убедиться, что там есть пустые ящики, хотя на большой улов он сегодня не рассчитывал – какая креветка выйдет гулять в такую погоду! Потом он поехал в рубку. Она была низкая, но просторная, построенная с таким расчетом, чтобы ему сподручно было управляться, сидя в коляске, завел мотор и взялся за штурвал – тоже особенный, ниже обычной высоты.

Ветер усиливался, по фьорду гуляла крупная норд-вестовая зыбь: когда он пойдет назад от маяка, ветер и волна будут бить ему в корму, поэтому надо было спешить.

Темная туча на горизонте превратила нижнюю половину переднего стекла рубки в зеркало, и если бы Ланселот хотел, он разглядел бы в стекле отражение широкоплечего парня с вьющимися волосами цвета соломы и небольшой кудрявой бородкой. Он увидел бы мужественное лицо выразительной лепки с горбатым тонким носом и серо-голубыми широко расставленными глазами, типичное для норвежца. Но как раз собственная внешность Ланселота

совсем не интересовала: он глядел на тучи, клубящиеся на горизонте, и пытался прикинуть, с какой скоростью надвигается шторм.

Вот и первая ловушка. Ланселот надел брезентовые рукавицы, ухватился за торчавший из воды рельс, подтянул к нему катамаран, закрепил его и начал вытягивать проволоку. Она вся обросла морскими желудями, и без рукавиц он бы в кровь разодрал о них руки, прежде чем добрался до кольца, к которому была за четыре угла подвешена квадратная сетка. Как ни странно, улов оказался хорошим: видно, креветки, облепившие приманку – большой кусок трески, еще не уразумели, что шторм надвигается и пора им спасаться бегством, уходить на дно и прятаться среди камней, а не набивать брюшко. Ланселот выгреб сачком улов и сыпал его в пластиковый контейнер, сразу заполнив его почти на четверть. На корме у него стоял деревянный ящик с камнями: он опустил в ловушку булыжник и отправил ее обратно на дно.

Так, продвигаясь от островка к островку, Ланселот шел к выходу из фьорда, попутно поднимая и осматривая ловушки. Во всех оказались креветки, четыре пятикилограммовых ящика скоро наполнились доверху, и он был рад, что вовремя выбрался из дома.

Когда Ланселот подошел к маяку, норд-вестовая волна поднималась вровень с кромкой бортов. Он еще издали увидел, что одну из новых ловушек сорвало и мотает по волнам. Выловив все ловушки, кроме одной – ее все-таки сорвало и унесло в море, он побросал их в трюм. Все они оказались пустыми. Теперь можно было возвращаться во фьорд и идти к дому. Натруженная спина ныла от боли и просила покоя, а одежда промокла от воды и пота.

Он шел в глубь фьорда и раздумывал, что же ему делать дальше: отвезти на удивление хороший улов сразу в Тронхейм или идти домой, загрузить креветки в морозильную камеру, а самому переодеться и лечь наконец в постель? Но свежие креветки стоят дороже замороженных, а Ланселоту нужны были деньги, и он решил идти в Тронхейм. Но прежде он спустился в каюту по короткому пологому трапу.

В тесной каюте было три койки, две по бокам и одна, самая широкая, напротив входа, а посередине оставалось место только для его коляски. На широкой койке он иногда отдыхал сам, две боковые когда-то занимали его родители, а теперь на них лежали фонари, кой-какой инструмент и рыболовная снасть.

Ланселот умел отдыхать: для краткого восстановительного отдыха надо было полностью расслабиться, но ни в коем случае не позволять себе заснуть. Он только снял промокшую куртку и перекинул тело на койку. Через четверть часа он поднялся и снова пересел с койки в коляску. Теперь он мог плыть дальше.

Центр питания в приморском городе, естественно, находился недалеко от берега, и Ланселот отправился туда с причала прямо в коляске. Он рассчитывал, что договорится о сдаче улова, а потом рабочие Центра поедут за ним на причал в грузовом мобиле и заберут ящики с уловом, как это обычно и происходило.

Чиновник, всегда принимавший у него весь его улов и особенно охотно бравший креветки, встретил его радушно:

– А, Ларс Кристенсен! Что привезли на этот раз? – спросил он, выходя из пластиковой кабинки. Чиновник знал, кто из его клиентов предпочитает общение, не разделенное звукопроницаемой гигиенической перегородкой.

– Я привез креветки. Четыре ящика свежих креветок.

– А вы уже знаете, что расценки на них понижены?

– Ничего об этом не слышал. И какова теперь цена?

– Две планеты за центнер креветок.

– В десять раз меньше, чем было неделю назад!

– Да. Это в связи с появлением нового продукта – сухопутных креветок. Их доставляют с юга Европы.

– Но за такие деньги никто не станет сдавать креветки!

– Вы забываете, Кристенсен, что далеко не у всех ловцов креветок есть судно и сети: это вы легко можете переключиться на рыбу, но у того, кто ловит креветок с берега, выбора нет. А еще в нашем фьорде есть люди, для которых добыча креветок – единственный официальный заработок. Не станут сдавать – перейдут в разряд безработных со всеми вытекающими отсюда последствиями вплоть до направления на раннюю эвтаназию. Эти рыбаки, в отличие от вас, Ларс Кристенсен, не могут сдать свой улов перекупщикам, продать на рынке или завести постоянных частных покупателей в городе.

– Спасибо за подсказку, я поехал на рынок!

– Я вам ничего не подсказывал, я только честно обрисовал положение.

– И все равно, большое спасибо.

– Так вы что, сегодня совсем ничего не будете сдавать?

– За такие деньги?

– Я знаю, как тяжело вам достаются ваши креветки, Ларс Кристенсен, и я уважаю ваш труд. Но на вашем месте я бы все-таки сдал часть улова.

– Нет! Вот пойдет лосось, потом треска – буду сдавать рыбу.

– Сдайте хотя бы ящик, и официально будет считаться, что вы продолжаете сотрудничать с государственным Центром питания. А остальное можете отвезти на рынок.

– Я считаю, что это грабеж – так низко оценивать труд рыбаков.

– Подумайте, Ларс! Я ведь опять вам подсказываю...

– Некогда раздумывать. Я тороплюсь домой: мне надо поскорее сменить одежду, не то я рискую простудиться. Я пришел прямо с лова, чтобы сдать креветки живыми.

– Понимаю. Но я очень надеюсь, что следующий улов вы, как обычно, доставите к нам.

– Ну уж нет! Мне действительно не слишком легко дается этот мой заработок, тут вы правы. Прощайте!

– Надеюсь – до свиданья, молодой человек.

Чиновник Центра с явной симпатией относился к молодому рыбаку-инвалиду, и обычно Ланселот охотно с ним беседовал, иногда они даже выпивали по стаканчику энергена, сидя за круглым столиком в углу приемной, но сейчас он и вправду очень спешил.

Тронхейм после Катастрофы быстро разросся и стал огромным городом, как почти все скандинавские города, когда сюда хлынуло население полузатопленной Европы. Новые кварталы тысячеквартирных домов протянулись на километры, но рыбный рынок, куда было нужно Ланселоту, находился недалеко, и он не стал брать таксомобиль, а отправился туда прямо в коляске.

Он подкатил к рыбному ряду и сказал первому же продавцу, что хочет продать четыре пятикилограммовых ящика живых креветок.

– Где они у тебя?

– Здесь, на моем судне.

– Они у тебя и вправду живые? Сегодня мало кто выходил на лов.

– Пощупай мой рукав – я только что с моря.

– На каком причале встал?

– На пятнадцатом.

– Езжай вперед и готовь товар, я подъеду. Какое судно?

– Катамаран «Мерлин».

Когда он добрался до причала, рыбак уже был там со своим грузовым мобилем. Ланселот подъехал к «Мерлину», вкатился на палубу и крикнул рыбаку:

– Будь другом, снеси сам ящики на причал: у меня сегодня спина что-то не в порядке.

– О чем разговор!

Рыбник шагнул на катамаран, подошел к ящику и поднял крышку: убедившись, что креветки живые и достаточно крупные, он предложил Ланселоту по планете за ящик. Это было столько же, сколько ему прежде платили в Центре питания, однако ниже обычных рыночных цен, но спорить уже не приходилось. Рыбник достал карманный персоники, Ланселот приложил к окошечку большой палец с персональным кодом, и, когда в нем появился его банковский счет, тот перевел на него четыре планеты. Рыбник снес на причал все ящики. Они простились, обменявшись кодами и договорившись, что в следующий раз Ланселот предупредит рыбака о доставке улова заблаговременно. Теперь можно было отправляться на свой остров.

Добравшись до дома, Ланселот сразу же принял горячий душ, поел, приготовил грог, проглотил три таблетки аспирина, взял книгу и улегся в постель. Он читал бумажные книги и почти никогда не пользовался Всемирной библиотекой по персонику, благо книг в музее-усадьбе Писателя было достаточно.

Загудел персоники. Он со вздохом пересел в коляску и поехал к нему. На экране появилось письменное сообщение:

УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ СООБЩАЕТ, ЧТО ВАША ДОЛЖНОСТЬ
СМОТРИТЕЛЯ-ЭКСКУРСОВОДА МУЗЕЯ-УСАДЬБЫ УПРАЗДНЯЕТСЯ В
СВЯЗИ С ЗАКРЫТИЕМ МУЗЕЯ.

ВАМ РАЗРЕШАЕТСЯ ПОЖИЗНЕННОЕ ПРОЖИВАНИЕ НА
ТЕРРИТОРИИ БЫВШЕГО МУЗЕЯ.

Так... Вообще-то, этого следовало ожидать. Уже много лет никто не посещал усадьбу Известного Писателя, и он уже давно был по существу сторожем при никому не нужном музее. Ланселот начал помогать отцу в усадьбе-музее еще с детства, он был хорошим и грамотным экскурсоводом; ему казалось, что он так и будет служить в усадьбе до конца своих дней и жить в этом старом, до последнего гвоздя знакомом доме, рядом с могилой матери в маленьком саду. Ладно, переживем. Из дома не гонят, и то хорошо. В послании ничего не сказано о его заработной плате: может быть, они все-таки оставят ему хотя бы часть ее на прожитие? Он ведь не получает ни бесплатной еды, ни одежды, как прочие планетяне, не получает даже лекарств и витаминов по общим каналам, поскольку остров не подключен ни к одной из линий жизнеобеспечения, кроме электролинии Тэсла.

Ланс еще не успел отъехать от персоника, как снова прозвучал вызов и на экране появилось новое сообщение:

УПРАВЛЕНИЕ ТРУДА СООБЩАЕТ, ЧТО В СВЯЗИ С ВАШИМ
УВОЛЬНЕНИЕМ ИЗ ОРГАНОВ КУЛЬТУРЫ ВЫ ПЕРЕХОДИТЕ В РАЗРЯД
БЕЗРАБОТНЫХ.

ВАМ УСТАНОВЛИВАЕТСЯ ПОЖИЗНЕННОЕ ПОСОБИЕ В 12
ПЛАНЕТ ГОДОВЫХ.

Это значит – одна планета в месяц. Имея жилье и продолжая выходить в море, прожить, конечно, можно. На одежду наплевать: он будет донашивать то, что есть в доме, а полпланеты в неделю на инвалидную жеребьевку уж как-нибудь заработает даже при новых расценках. Но кое от чего придется отказаться, и в первую очередь – от Камелота. Король Артур, конечно, огорчится, но Ланселот предложит ему общаться через персоники, он уже давно об этом подумывал.

Он вызвал код банка и убедился, что на его счету всего двадцать шесть планет. Ладно, решил он, придется рассчитывать на путину лосося: эта славная рыбка поможет ему удержаться на плаву. Не стоит унывать! И он снова взялся за книгу.

Долго читать ему не пришлось.

– Да что они, сговорились? – пробормотал он, снова перебираясь из кровати в коляску и протягивая руку к вновь ожившему персонику.

**МИНИСТЕРСТВО ЗДОРОВЬЯ СООБЩАЕТ.
ЧТО В СВЯЗИ С ПЕРЕХОДОМ НА БЕЗРАБОТИЦУ ВАМ
УСТАНОВЛИВАЕТСЯ НОВЫЙ СРОК ЭВТАНАЗИИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ
ПРИЧИНАМ – ДВАДЦАТЬ ТРИ ГОДА.**

Что за день такой, со всех сторон обложили! Он вернулся в постель.

Прежний срок обязательной эвтаназии ему был назначен на двадцать пять лет, а теперь, выходит, остается всего год жизни с небольшим, ведь ему скоро исполнится двадцать два. Конечно, он может отказаться от эвтаназии, поскольку формально она является актом добровольным; но отказаться – значит стать асом, асоциальным элементом. Избравших этот путь исключают из Банка людских ресурсов и лишают персонального кода, а человек без кода оказывается выброшенным из нормальной жизни: он не может ничего ни продать, ни купить, не может искать работу и получать медицинскую помощь. Он даже не может вызвать полицию или обратиться в суд, если его здоровью или имуществу будет нанесен ущерб. Нет, жизнь аса Ланселота отнюдь не привлекала. Остается одно – надеяться, что ему все-таки повезет с жеребьевкой.

Так он лежал и предавался тягостным мыслям, уже не пытаясь больше читать. Редко, очень редко Ларс Кристенсен и сэр Ланселот Озерный позволял унынию овладеть собой, но сегодня это случилось.

Подошло время вечерних новостей. Он мог смотреть их прямо из постели по маленькому дорожному персонику, прикрепленному к спинке кровати. Ланселот включил программу и после обычной сводки услышал сообщение о засухе в южных районах Планеты.

– Эта засуха, как сообщают достоверные источники, объясняется новыми происками русских, ведущих постоянную метеорологическую войну против свободного мира, – говорил с экрана ведущий. – Но русскому царю не помогут ни знойные ветры, ни тучи саранчи, перенесенной ветрами на поля Европы из России через Африку! Планете не грозит голод с тех пор, как специалисты по питанию открыли новый вид питания, запасы которого практически неисчерпаемы. Это сухопутные креветки!

Ага, вот это интересно! Далее были показаны документальные кадры: цехи питания, работающие на полную мощность, огромные грузовые мобили, нагруженные ящиками с новым продуктом; счастливые потребители и потребительницы у своих едалников заказывают блюда из сухопутных креветок и лакомятся ими, плотоядно постанывая и закатывая глаза от восторга.

После сообщения о сухопутных креветках, почему-то так и не показанных крупным планом, ведущий предложил всем планетянам спеть Общий Гимн перед выступлением Мессии. Гимна Ланселот петь не стал и даже убавил звук. Он бездумно смотрел, как сменяют друг друга привычные кадры с толпами поющих планетян: их всегда показывали во время общего исполнения Гимна, чтобы каждый поющий у своего персоника чувствовал себя частью всей Планеты.

Ланселот хорошо сделал, что не выключил персоники: нанеся ему столько ударов подряд, капризная судьба вдруг сменила гнев на милость и поднесла подарок, который с лихвой перевесил все его беды. После Гимна он услышал из уст самого Месса, что отныне Мессия обещает исцелять всех инвалидов, увечных и больных, которые придут к нему за помощью на остров Иерусалим. «Придите ко мне, все измученные и обремененные болезнями, и я исцелю и упокою вас», – говорил Мессия, и в его прекрасных синих глазах стояли слезы.

Потом пошли волнующие кадры массового исцеления на огромном иерусалимском стадионе с Вавилонской Башней на заднем плане. Мессия, высокий, на голову выше всех сопровождающих его министров, врачей и охранников, обходил ряды инвалидов. Одних он исцелял

прикосновением руки, других – одним лишь взглядом. Труднее всего Мессии давалось исцеление слепых и увечных.

Вот он подошел к молодому парню в инвалидной коляске, положил руки ему на плечи и сжал их. Забили барабаны, высоко взвыла напряженная музыка, и на экране крупным планом появилось сосредоточенное лицо Месса с выступившими на лбу каплями пота, и все жители Планеты убедились воочию, как дорого ему стоили эти чудеса. Месс выпустил парня из объятий – и все увидели ошеломленное и счастливое лицо бывшего инвалида, стоящего на своих ногах рядом с пустой коляской. Парень заплакал и покачнулся на еще нетвердых ногах. Его тут же заботливо подхватили под руки два медика в белых комбинезонах и под торжественную музыку фанфар осторожно повели в помещение под ликующими трибунами.

Потом ведущий программы новостей объявил, что на размещение и содержание прибывающих в Иерусалим паломников Мессия отдает свои личные средства, которые прежде собирался пожертвовать на восстановление Иерусалимского Храма. Узнав об этом, первые инвалиды, уже прибывшие в Иерусалим и исцеленные Мессией, отдали на восстановление Храма все свои сбережения и призвали к тому же тех, кто еще только собирается в Иерусалим. Было показано выступление этих счастливчиков. Один из них сказал:

– Мы надеялись на исцеление и мечтали о нем, а наш Мессия мечтает о восстановлении Храма в Иерусалиме. Мы, обездоленные, знаем, что такое МЕЧТА. И вот наша мечта исполнилась. Слава Мессу! Так давайте же теперь мы сделаем все, чтобы исполнилась МЕЧТА МЕССИИ! Мы отдали все что имели на построение Иерусалимского Храма, и мы призываем тех, кто еще только готовится к паломничеству в Иерусалим, поддержать нас. Братья по несчастью, планетяне-инвалиды! Жертвуйте на Храм, на ММ – МЕЧТУ МЕССИИ!

После него снова выступил Мессия. Он был растроган.

– Дети мои! Дорогие мои дети, которых сегодня я обрел и обнял здоровыми и счастливыми! Я благодарю вас, вы согрели мое сердце. Но я не хочу, чтобы вы жертвовали все свои деньги на мою мечту – на восстановление Храма, я просто не в состоянии этого допустить. Но и обидеть вас, отказавшись от вашего искреннего дара, я не могу. Будет достаточно, если все паломники ограничатся какой-нибудь единой для всех и, конечно, очень скромной суммой.

Потом выступил главный архитектор строящегося Храма, за ним министр здравоохранения Славичев, а после всех глава Мировой Церкви папа Апостасий Первый, и сумма была названа – сто планет.

К черту все мысли о безработице и об эвтаназии! Он двинет в Иерусалим на «Мерлине» – так выйдет дешевле, он станет на ноги, а уж потом будет планировать и устраивать свою жизнь. Двадцать шесть планет у Ланселота было на счету, оставалось раздобыть еще семьдесят четыре, ну и что-то на дорогу. Он будет теперь выходить в море каждый день, в любую погоду, и придется его спине потерпеть. Еще семьдесят четыре планеты – и вперед!

Теперь надо было встретиться с королем Артуром. Ланселот одним движением перебросил тело из постели в коляску, подъехал к большому персонику и надел обруч.

Глава 4

П приближаясь к воротам Камелота, Ланселот еще издали услышал веселый смех Артура: король забавлялся – играл в мяч с фантомными мальчиками-герольдами. Этот довольно тяжелый мяч сшит был из позолоченной кожи и набит песком, и был он вовсе не игрушкой, а воинским спортивным снарядом для укрепления мышц рук и плеч.

Мост оказался приподнятым примерно на высоту человеческого роста, и, стоя в его тени, Ланселот мог наблюдать за игрой, оставаясь невидимым. Герольды старались поймать мяч, обходя и отталкивая друг друга; они были неуклюжими и очень забавными, и ничего удивительного, что король то и дело заливался хохотом. Поймав мяч, они тут же бросали его королю обратно, но чаще бестолково роняли вниз, а король его подхватывал и снова забрасывал на башню. Но вот король особенно сильно размахнулся, мяч перелетел через головы герольдов и упал где-то во дворе замка. Король побежал за ним в ворота.

Ланселот не стал дожидаться, пока тот вернется и впустит его в замок: он разбежался, подпрыгнул и ухватился руками за край моста, подтянулся на руках, забросил ногу и вскарабкался на мост. Герольды тотчас протянули к нему руки: обнаружив у ворот человека, они и не подумали его приветствовать, не вспомнили про свои трубы, а ждали, что он бросит им мяч. Ланселот усмехнулся, пошарил глазами на земле, нашел у стены булыжник и забросил его герольдам. Один из них поймал округлую каменюку, и они оба склонились над ней, пытаясь понять, что же такое случилось с их мячиком?

Ланселот прошел сквозь ворота и увидел, что король сидит на краю старого колодца, наклонившись к воде: похоже, мяч угодил прямо в колодец. Ланселот подошел неслышным шагом и стал за спиной Артура.

Посреди заполненного мутной зацветшей водой колодца на большом листе кувшинки сидела крупная, неестественно зеленая лягушка с маленькой золотой коронкой на голове. В перепончатых лапах лягушка держала золотой мяч. «Артур играет в какую-то сказку», – решил Ланселот.

Почувствовав его взгляд, король оглянулся.

– А, это ты Ланс! Хорошо, что ты пришел. Понимаешь, какая штука, мне, кажется, удалось вызвать персону!

– Вот этот лягух в короне – персона?

– Он говорящий!

– Да ну? Послушаем, что же он говорит, – и Ланселот положил руку на плечо короля.

– Сейчас услышишь.

Лягух сидел на листе, чуть подкидывая мяч.

– Лягушонок, лягушонок, верни мне мой золотой мяч! – попросил Артур.

– Дева, я верну тебе твой золотой мяч, если ты в награду поцелуешь меня, – с квакающим акцентом проговорил наглый лягух.

– Да нет, король, ты ошибся! Это все-таки фантом, и он случайно попал в нашу Реальность! – рассмеялся Ланселот. – Ты же слышишь, он называет тебя «девой», как в той сказке, откуда он сбежал. Я знаю эту сказку.

– А мне почему-то думается, что это персона! Отдай мне мой мяч, лягушонок! – повторил Артур.

– Дева, я верну тебе твой золотой мяч, если ты в награду поцелуешь меня, – бормотал лягух, продолжая мерно подкидывать мяч.

– Ну какая же это персона! – засмеялся Ланселот. – Безмозглый фантомчик, запрограммированный на старинную сказку о принцессе с золотым мячом. Принцесса уронила в колодец золотой мячик, а лягушонок выловил его и пообещал ей вернуть, если принцесса даст слово

исполнять все его желания. Она несет его во дворец, сажает с собой за стол, кормит, несет в свою спальню. Но когда лягушонок обнаглел и потребовал, чтобы она взяла его с собой в постель, разгневанная принцессахватила его об стенку.

– И убила?

– Нет. Лягушонок успел превратиться в прекрасного принца.

– Какие перспективы открываются! Лягушонок, лягушонок, кто бы ты ни был, отдай мне мой золотой мяч!

– Дева, я верну тебе твой золотой мяч, если ты в награду поцелуешь меня.

– Хорошо, я поцелую тебя. Плыви сюда!

Фантом подплыл на своем листе поближе и потребовал:

– Наклонись ко мне, дева!

Король наклонился. Зеленый лист вместе с лягушкой и мячом взлетел в воздух, и под ним оказалась серая змеиная голова на желтовато-белой шее толщиной с хорошее бревно.

– О, лековерная дева! Я сам тебя сейчас поцелую! – прошипел змей и ринулся к королю, распахнув пасть с двумя торчащими вперед длинными зубами.

Если бы Ланселот начал оттаскивать короля или доставать из ножен меч, чтобы бороться со змеем, он бы опоздал; но сэр Ланселот поступил единственно правильным образом – он просто сдернул с головы Артура корону. В тот же миг король исчез, а змей с размаха врезался пастью в каменную стенку колодца. Один из его страшных зубов отломился и отлетел в сторону, а из оставшегося в пасти пенька брызнула оранжевая жидкость. Только тогда Ланселот выхватил меч и попытался отсечь змеиную голову. Но чудовище успело дернуться в сторону, и Ланселот лишь слегка задел его мечом. «Мы еще встретимс-с-ся!» – прошипел змей, бешено мерцая радужными глазами, и с плеском погрузился в воду. Ланселот осторожно заглянул в колодец. Вода была мутной, и разглядеть что-либо в глубине было невозможно. Потом булькнуло и на поверхность вынырнул золотой шар. Ни лягушонок, ни змей больше не появились, и Ланселот мечом осторожно подогнал мяч к стене колодца и выудил его из воды. Мяч покатился, виляя на булыжниках, а потом замер, остановленный ногой короля: Артур уже успел снова появиться, но на этот раз в десяти шагах от колодца.

– Кто это был, Ланс?

– Ты оказался прав, Артур, это была персона. Чудовище успело улизнуть, я только задел его мечом, – ответил Ланселот, разглядывая валявшийся на камнях желтоватый полый зуб.

– Жаль, что ты спугнул его. Мне бы хотелось знать, чем это могло кончиться.

– Змей утащил бы тебя на дно колодца и там слопал, вот чем это могло кончиться.

– Но ведь не сожрал бы он меня по-настоящему, сэр Ланселот! Я никогда не слышал, чтобы кто-то реально погиб в Реальности!

– Да? А ты где-нибудь встречал статистику на этот счет? Знаешь, друг король, я не так храбр, как ты. Я не пожалею денег и сегодня же закажу крепкую крышку на этот колодец. А еще лучше – совсем его уберу.

– Ну вот... Только появилось что-то по-настоящему интересное, как ты хочешь все испортить, сэр Ланселот! Ты просто позавидовал, что мне удалось вызвать настоящую персону, вот что я тебе скажу! – король сел на каменную стенку колодца и низко наклонился, пытаясь разглядеть что-нибудь в глубине. Вода все еще плескалась о каменные стенки.

Ланселот только вздохнул. Сегодня ему совсем не хотелось ни ссориться, ни спорить с Артуром. Он подцепил мечом валявшийся на камнях зуб и ловко забросил его в колодец.

– Зачем, сэр Ланселот? Я сохранил бы его на память, ведь мне впервые удалось вызвать персону!

– Я думаю, это ядовитый зуб, Артур, и к нему нельзя прикасаться.

– У тебя все нельзя, сэр Зануда!

– Пойдем-ка в донжон, друг король! Мне надо поговорить с тобой, ведь я пришел с новостями.

– А у тебя хорошие новости или плохие?

– Новости у меня разные.

Они поднялись в пиршественный зал и сели на привычных местах у камина. Ланселот помолчал, а потом начал, но не с новостей.

– Послушай-ка, друг король, мне пришла в голову одна мысль. А не попытаться ли нам снова пригласить Сандру через Банк-Реаль?

– Через Банк-Реаль?

– Ну да! Как она впервые пришла к нам когда-то по вызову, так и теперь может к нам вернуться по новому вызову.

– Ты думаешь, она согласится снова войти в нашу Реальность? Мы ведь ее так обидели.

– Ничем мы ее не обижали.

– Ну как же! Она попросила у нас денег на дорогу к своей больной бабушке, а мы начали ей плести, что это, мол, не принято – помогать друг другу не в Реальности, а в жизни. На самом деле мы не захотели признаться, что у нас просто нет таких денег.

– Обыкновенное недоразумение. Сандра умная женщина, и она поймет нас, если мы ей расскажем, что когда она так и не вернулась и все начали обвинять в этом друг друга, только тогда и выяснилось, что в нашей Реальности собрались люди, у которых и на саму-то Реальность едва хватало денег.

– Если бы она сейчас объявилась, я бы сразу же попросил у нее прощения, и думаю, корона бы с меня от этого не свалилась.

– Определенно не свалилась бы. Вот и давай разыщем Сандру. Что нам мешает хотя бы попытаться снова вызвать ее через Банк-Реаль в роли декоратора?

– А ты помнишь ее полное имя, Ланс?

– Помню. Ее звали Кассандра Саккос. Был такой знаменитый спасатель во время Катастрофы Илиас Саккос, возможно, ее родственник. Мой отец работал под его началом и погиб вместе с ним в Греции, вот я и запомнил фамилию Сандры.

– Чудно! Ланс, у меня как раз есть немного денег, и я могу сделать этот вызов прямо сейчас.

– Тогда валяй, друг король!

– Жди меня, Ланс!

Сдернув корону-обруч, король исчез. Ланселот нетерпеливо ждал его, поглаживая голову Дианы, лежащую у него на коленях. Он волновался: после столкновения с монстром из колодца он совсем не хотел оставлять Артура одного в Камелоте, другое дело – вдвоем с Сандрой.

Король Артур скоро вернулся, и теперь они уже оба сидели и ждали, что вот-вот, как когда-то давным-давно, откроется дверь и в пиршественный зал войдет умница и красавица Сандра Саккос. Но ждали они напрасно. Послышался сигнал, и король снова отправился к персонику. На этот раз он вернулся сразу и крайне огорченный: пришло сообщение из Банк-Реаля о том, что Кассандра Саккос уже больше двух лет находится в обеспеченном отпуске. Их спросили, не хотят ли они вызвать другого декоратора, но Артур снял заказ.

– Вот так... – развел руками Ланселот. – Не знаю, что еще можно придумать, чтобы найти ее. Да, друг король, как жаль, что мы не знаем персонального кода Сандры! Вызвали бы ее, попросили прощения, и все наладилось бы в нашем королевстве. Надо по крайней мере нам с тобой обменяться кодами.

– Это еще зачем?

– На всякий случай. Да и вообще мы с тобой в последнее время не столько играем в рыцарские приключения, сколько беседуем о том о сем. С та-ким же успехом этим можно заниматься через персонику, и это гораздо дешевле, чем выход в Реальность. Получается, что

мы, два дурака, платим такие большие деньги за декорации к нашим беседам. Давай обменяемся кодами.

– Нет! Это исключено!

– Почему, Артур? Тебе так жаль расстаться с Камелотом?

– Нельзя смешивать реальную жизнь с бытовой, сэр Ланселот Озерный!

– Да кто тебе это сказал? Правила Реальности совсем не запрещают личного общения участников.

– Там сказано, что оно не рекомендуется. Не уговаривай меня, Ланс, я на это не пойду!

– Послушай-ка, твое величество, я догадываюсь, что у тебя есть причины не желать личного общения. Но, между прочим, не у тебя одного. Но давай взглянем на проблему с другой стороны: если бы у нас был код Сандры, мы бы ее не потеряли. Дорогой мой король, я совсем не хочу когда-нибудь вот так же потерять и тебя – по глупости или по недоразумению.

– Если я скажу тебе мой код, это как раз и случится.

– Крепко же ты веришь в мою дружбу, друг-король! И это после стольких-то лет?

– Это были годы, проведенные в Реальности. Ты ведь не знаешь, Ланс, что я за человек на самом деле, как я, например, выгляжу.

– А какое мне дело до того, как ты выглядишь? Мы за эти годы через рыцарскую сказку стали настоящими, а вовсе не реальными друзьями, а разве имеет значение внешность друга? Я не древнего короля бриттов в тебе уважаю и люблю, а того человека, который исполняет роль короля Артура. Наплевать мне, есть у тебя корона на голове или нет – мне важно то, что у тебя в голове находится. Я знаю, что ты, может быть, прости, не слишком умен и образован, но зато честен во всех своих помыслах...

– А вот как раз и нет! – перебил его Артур. – Я лгу, я все время лгу тем, кого я люблю! И здесь, в Камелоте, и у себя дома...

– Только честный человек способен так о себе сказать, – заметил Ланселот.

– Я совсем не тот, за кого себя выдаю!

– А я в этом уверен, – засмеялся Ланселот. – Разумеется, ты не король Артур и даже не его потомок: тебя давным-давно разоблачил волшебник Мерлин, а уж он-то знает! Артур, неужели ты думаешь, для меня имеет значение, из какой ты семьи, сколько тебе лет, какого цвета твоя кожа и как ты выглядишь?

– Ланс, если бы ты знал... Но давай оставим этот разговор, прошу тебя!

– Как скажешь, король. Хочу только заметить, что как раз у меня всегда были причины не желать, чтобы ты или кто-то из наших рыцарей, а уж тем более прекрасных дам, увидел меня: я калека, инвалид и всю жизнь провел в инвалидной коляске. Но я не боюсь показаться тебе таким, какой я есть. Поэтому запиши-ка мой код: СКМ 14.09.40. Мое настоящее имя Ларс Кристенсен. Я надеюсь, ты все-таки передумаешь...

– И не подумаю передумывать.

– Ладно, упрямое твое величество, я больше не настаиваю. Но код мой ты на всякий случай запиши.

– Я запомню.

– Врешь, король! Вот, смотри, я тебе на стене пишу, – и Ланселот острием кинжала нацарапал свой код на стене между двумя гобеленами. Артур подчеркнуто отвернулся. Ладно, подумал Ланселот, надпись-то все равно останется.

– А теперь, друг-король, я должен сказать тебе еще одну вещь: я собираюсь отправиться в паломничество в Иерусалим.

– Я с тобой!

– Это невозможно.

– Ты не хочешь взять меня в это новое приключение?

– Это не приключение.

– Неужели ты на самом деле отправляешься в Иерусалим?

– Да.

– Паломничество в Иерусалим! Как я тебе завидую, сэр Ланселот! Ты увидишь вблизи Вавилонскую Башню, восьмое чудо света, и своими глазами увидишь, как строится девятое – Иерусалимский Храм. А вдруг ты там встретишь самого Месса? Говорят, он ходит по улицам Вечного города совершенно свободно, даже без охраны, – король пытался изобразить восторг, но голос его дрожал. – Но ты ведь ненадолго отправляешься туда, Ланс? Ты скоро вернешься? Сколько дней тебя не будет? Когда ты собираешься лететь?

– В конце лета. И я не полечу, а пойду морем. Думаю, это будет довольно долгое паломничество. И вот что еще, король: выходить в Реальность я больше не смогу. Я должен проститься с Камелотом.

– Почему?

– Потому что вместо этого я буду каждый день выходить в море ловить рыбу.

– А разве ты не можешь это делать здесь? Какая тебе разница, в какую воду забрасывать удочку – в реальную или настоящую?

– Большая разница, друг король. Мне нужна настоящая рыба, и не удочкой я ее ловлю, а сетями.

– Ого! А зачем тебе так много рыбы?

– Чтобы продать ее. Я рыбак, и этим живу. А теперь мне нужны деньги на паломничество, – и Ланселот поторопился закончить разговор. – Захочешь меня увидеть – мой код у тебя есть.

– Подожди, сэр Ланселот! Пожалуйста, не уходи, Ланс!

– Ищи меня по персональному коду, король, – и Ланселот снял обруч с головы. Он тут же вызвал Банк-Реаль и, не объясняя причины, закрыл свой договор по использованию Реальности.

Глава 5

П утина подходила к концу, стада лосося редели, и Ланселот решил, что пора ему реализовать свой улов. На этот раз он собирался продать рыбу в Осло. Он погрузил контейнеры с засоленным лососем в трюм «Мерлина» и отправился в Осло-фьорд.

Бывшая столица Норвегии Осло была перенаселена, и возле наскоро сооруженных длинных причалов в несколько рядов стояли на якорях бывшие военные корабли, приспособленные под жилища для бедноты. Но не было во фьорде той деловитой толкотни рыбацких судов и суденышек, которую он помнил по давним поездкам в Осло с отцом. Что ж, подумал Ланселот, значит, у него будет меньше конкурентов на рыбном рынке, и он сумеет хорошо продать свой улов.

Ланселот пришвартовал катамаран, выкинул трап и съехал по нему на причал. К нему тут же подошел дежуривший на причале полицейский и достал из висевшей на плече сумки считывающее устройство.

– Ваш персональный код, – потребовал он, не здороваясь.

Ланселот протянул полицейскому правую руку, и тот коснулся аппаратом его большого пальца.

– Вы не житель Осло?

– Нет. Я живу в Тронхеймс-фьорде. В Осло я пришел, чтобы продать лососину.

– Почему же вы не сдали ее в Центр питания в Тронхейме? У вас есть договор с Центром?

– Есть договор, и я много лет сдавал им креветки и рыбу. Но наш Центр питания снизил расценки, а мне нужны деньги. Разве я не могу продать свою рыбу на рынке в Осло?

– Если вы уже сдали свою норму рыбы в Центр питания, то какую-то часть улова имеете право продать на рынке. В свободном мире, как известно, молодой человек, разрешена свободная торговля. Сейчас проверим ваши отношения с Центром в Тронхейме. Так... Договор, действительно, у вас есть, но вы уже два месяца ничего в Центр питания не сдавали. По какой такой причине?

– Я же сказал, они понизили расценки: сначала на креветки, а потом и на рыбу.

Полицейский нахмурился и перешел на «ты».

– А ты кто такой, чтобы критиковать политику цен и саботировать решения мирового правительства? Понизили расценки, значит, так надо для благоденствия планетян! Мы живем в правовом сообществе: если Министерство питания назначило цены, по которым ты должен сдавать улов – вот и сдавай, соблюдай свои права! Тогда и тебе пойдут навстречу – разрешат часть улова продать на свободном рынке. Но только в Тронхейме, а не в Осло! Мы тут своих рыбаков отлавливать не успеваем, так и норовят толкнуть рыбешку в обход Центра питания.

Полицейский поиграл кнопками и уставился на экран персоника.

– Тут сказано, что ты одинокий инвалид, сирота значит, а сироту обижать Бог не велит. Поэтому я сейчас вызову коллегу с соседнего причала, мы обыщем твой катамаран, и если у тебя нет контрабанды, мы, так и быть, тебя отпустим.

Появился второй полицейский. Вдвоем они запрыгнули на катамаран, обшарили каюту и трюм, а потом начали выгружать контейнеры с рыбой на причал. Ланселот подумал, что полицейские смягчились и решили помочь ему поднять на причал тяжелые контейнеры, чтобы он мог отвезти их на рынок. Но, выгрузив всю его рыбу, полицейские велели ему убираться из Осло-фьорда и больше тут не показываться.

– А рыбу твою мы конфискуем, поскольку ты ее привез с целью спекуляции. Даем тебе пятнадцать минут на то, чтобы отчалить и взять курс на выход из Осло-фьорда. Ты все понял, парень?

– Да. Я понял, с кем имею дело.

– Четверть часа! Успеешь?

– Успею, – ответил Ларс и, наклонившись, сдернул с кнехта причальный канат. Полицейские стояли и с угрозой смотрели на Ланселота до тех пор, пока он не отчалил.

Он вышел из Осло-фьорда и пошел к своему острову на предельной скорости, не жалея ни мотора, ни батарейки, ни себя. В Тронхеймс-фьорд он вошел, когда вечерняя заря уже окрасила горизонт. Состояние было хуже некуда, ныла спина и грызла обида: его ограбили на двухнедельный улов, а лосось уже прошел дальше на север.

Невероятная встреча состоялась почти возле самого дома. Ланселот уже входил в свой заливчик, как вдруг в борт катамарана что-то тяжело ударило. Топляк, подумал он и схватил багор, чтобы взять бревно на буксир – ему всегда нужны были дрова для коптильни. Багор его и спас. Когда над бортом катамарана поднялась серая змеиная голова с горящими радужными глазами, Ланселот на миг остолбенел. На него уставились глаза с узкими вертикальными зрачками, пасть слегка приоткрылась, и из нее раздалось внятное: «Вот и встретилис-с-с-с, с-с-сэр Ланс-с-селот!». С головы змея нелепо и жутко свисал помятый лист кувшинки с распластанной на нем дохлой лягушкой; золотая коронка все еще сверкала на ее плоской голове. Змей не успел до конца развернуть пасть с одним торчащим зубом, как Ланселот отвел багор, размахнулся и всадил его прямо в середину радужного глаза. Чудовище дернуло головой, вырвало багор у него из рук и забилося в воде.

Ланселот сразу же бросился к штурвалу и отвел катамаран подальше, а уже после издали наблюдал, как бьются в бурлящей воде белесые петли змеиного тела. «Да кто ж ты такой есть, – думал он, – и как это ты сумел перескочить сюда из Реальности?»

Но вот змей бессильно вытянулся на поднятых им волнах, полностью перегородив вход в заливчик, и тогда только Ланселот отважился подойти к нему ближе. Змей был несомненно мертв, его желтовато-белое тело беспомощно колыхалось на воде. Выждав еще немного, Ланселот решил оттащить его подальше в море. Он отыскал в каюте тонкую капроновую веревку и самым тихим ходом подошел к змею. Застрявший в глазу чудовища багор покачивался над водой, Ланселот накинул на него лассо, закрепил конец на корме и потащил змея на середину фьорда. Он отошел на добрый километр от своего острова, с опаской оглядываясь на волочившееся за кормой светлое тело, но змей не подавал признаков жизни. Осмелев, Ланселот подтащил его к борту, достал длинный разделочный нож и стал отделять голову монстра от шеи. В гостиной писательского дома висел уже один охотничий трофей, добытый некогда писателем, – огромная лосиная голова с полутораметровыми разлапистыми рогами, и Ланселот решил добавить к ней свой трофей. Сначала ему никак не удавалось проткнуть чешуйчатую кожу, но потом, когда нож проник между чешуями, она вдруг стала легко поддаваться стальному лезвию, и на шее змея разошлась широкая щель. Внутри тело змея было пустым, плоти в нем не было никакой, а когда Ланселот расширил надрез и заглянул в него, он увидел металлическую кольчатую трубку, вдоль которой тянулись разноцветные провода. Ланселот раскачал багор и вырвал его из пораженного глаза: из глазницы в воду посыпались осколки радужного пластика и несколько мелких цветных деталей; из дыры остались торчать обрывки проводов. Другой глаз оставался блестящим и радужным, но изнутри он уже не светился. Через разрез на шее и пустую глазницу тело змея начало быстро наполняться водой и тонуть вместе с громадной головой, которую Ланселот так и не сумел отделить от туловища. Да ему уже и не нужен был этот трофей: монстр-мутант был страшен, но искусственный монстр вызывал отвращение. «Все! Больше никаких Реальностей!» – подумал он, провожая глазами опускающееся в глубину рукотворное чудовище, похожее на длинное серое бревно.

Ланселот вернулся домой промерзший, усталый и злой, как разбуженный зимой медведь. Он переоделся, лег и был уверен, что мгновенно уснет, но – не получилось. Одолеваемый мыс-

лями, он ворочался на кровати, и сон его не брал. Что-то опасное и непонятное происходит в их Реальности, и он обязательно сообщит об этом случае в Банк-Реаль. Но как предупредить короля Артура? Наконец он решил, что завтра снова внесет деньги за пользование Реальностью – на самый короткий срок, какой только возможен по правилам Банк-Реаля, вернется в Старый замок и потребует от короля, чтобы он тоже покинул Камелот. С этим Ланселот и уснул.

Утром он услышал сквозь сон сигнал персоника. «Не дай Месс, еще какая-нибудь официальная пакость», – подумал он спросонья. Он поднялся на кровати, накинул халат и перекинул тело в коляску. Подкатил к персонику, включил прием и стал ждать. Когда через пару секунд экран засветился, он увидел на нем незнакомого подростка в зеленом пластиковом костюме и зеленой вязаной шапочке. Подросток глядел на него исподлобья и почему-то очень сердито. Ошибка, подумал Ланселот и хотел уже отключиться, но не успел.

– Вы Ларс Кристенсен, именуемый также Ланселотом Озерным?

– Да, это я.

– Здравствуй, Ланс, – сказал подросток и стащил с головы зеленую шапочку, высвободив при этом целую копну рыжих кудрей. Перед Ланселотом на экране была очень юная девушка, скорее даже девочка. Она уткнулась лицом в свою шапочку и прорыдала сквозь нее:

– Сэр Ланселот Озерный! Как ты посмел исчезнуть, не простившись со мной?

– Простите, а вы кто? – спросил Ланселот, еще не совсем проснувшись и не понимая, кто перед ним.

– Я... Я король Артур. Но ты не отключайся, ты выслушай меня сначала!

Ланселот и не думал отключаться. То есть он отключился, но совсем по-другому: он так хохотал, что чуть не вывалился из коляски. Король Артур, основатель рыцарской Реальности – смешная и сердитая девчонка-подросток! От смеха он не мог выговорить ни слова. Несколько раз он вытирал слезы, поднимал глаза на экран и открывал рот, чтобы начать говорить, но, видя красное лицо с зарезанными глазами, зеленую шапочку с помпоном, который девчонка от смущения и злости закусила зубами и не догадывалась выпустить, он снова ронял голову на руки и хохотал. Обиженный король Артур всхлипнул в последний раз, сердито махнул на Ланселота своей шапочкой и исчез с экрана. Связь прервалась, экран потух.

Ланселот вытер слезы и покати́л в душевую. Задышавшись под ледяным душем, растираясь после грубым холщовым полотенцем, он продолжал похихатывать. Пересев из мокрой коляски в сухую, он прямо в халате отправился на кухню готовить себе завтрак.

Пока что безработный инвалид питался совсем неплохо. Некоторые продукты Ланселот брал в обмен на креветки и рыбу прямо в Центре питания, другие покупал на рынке, а что-то ухитрялся выращивать на доставшемся от матушки огороде. С прошлого лета у него еще оставалось несколько банок варенья, морошка, сухие и соленые грибы, сушеные приправы, а главное лук и чеснок – роскошь по нынешним временам. Большинство планетян даже в сравнительно благополучной Скандинавии получало бесплатную пищу, поступающую в дома по трубам, и эта готовая еда в пластиковых контейнерах была так же похожа на пищу, как пластиковые литые костюмы на нормальную людскую одежду.

В честь нового знакомства с королем Ланселот решил себя побаловать и вместо привычной овсянки испек себе два больших блина и к ним нарезал немного семги. Пока грелся чайник, он съездил в кладовку и насыпал себе мисочку моченой морошки, которую очень любил и бережно расходовал: малину он сам собирал по обочинам лесных дорог, а вот морошка на болотах была ему недоступна, ее приходилось покупать на рынке. Завтрак у него получился праздничный.

Покончив с посудой, Ланселот взял книгу и пристроился с нею возле персоника, ожидая нового вызова и посмеиваясь над раскрытой тайной короля Артура. Ланселот дал себе слово больше не смеяться, если король выйдет на связь, – а он был уверен, что тот обязательно снова появится.

Вызов прозвучал где-то к полудню, и он снова увидел на экране «короля Артура», но теперь девушка уже не плакала. Она сняла безобразный пластиковый костюм и нарядилась в темно-зеленое платье, с виду бархатное, а на рыжих кудрях у нее красовался зеленый шелковый шарф. Теперь ей было на вид лет шестнадцать, а может, даже и все семнадцать. Но когда Ланселот сообразил, что в момент основания Камелота этой пигалице было не больше четырнадцати, смех из него так и брызнул, а потом перешел в кашель.

– Ну и чего это вы так надрыгаетесь, сэр Ланселот Озерный? Горло бы поберегли... – голос у короля был девически нежный, а тон – дерзкий.

– Простите меня, ваше величество, но ведь нет же никакой возможности удержаться!

– По-вашему, выходит, что свободная планетянка не имеет права выходить в Реальность в удобном ей виде? – а теперь в ее голосе прозвучал даже оттенок склочности.

– Ваше величество, не волнуйтесь и не задирайтесь!

– А вы – не смейтесь!

– Но, согласитесь, разве не потешно, что за круглый стол Камелота рыцарей собрала девчонка? И я просто восхищен тем, как ловко и как долго вы морочили всем нам голову.

– Восхищайтесь сколько угодно, но прекратите этот глумливый смех!

– Ваше величество, это смех не глумливый – это горький смех, ведь я над собой смеюсь, над своей слепотой! Ну полно, полно, престань сердиться, королек. Разве можно так гневаться на старого друга?

– Какие мы друзья? Мы теперь вроде даже и не знакомы...

– Вот те раз! Это звучит оскорбительно, король, особенно через неделю после того, как я спас твое величество от свирепого мутанта.

– Не мутанта, а персоны! Мне наконец-то удалось вызвать персону, даже двух, а ты, как всегда, вмешался со своим здравым смыслом и все испортил.

– Хорошо, хорошо, персоны, не будем спорить. А между прочим, лягух-то этот поганый все время называл тебя «девой»! Что бы мне тогда обратить на это внимание?

– Ты и обратил. Только вывод по своему обыкновению сделал неправильный: ты сказал, что это персонаж из чужой сказки, а лягушонок-то оказался провидцем!

– Сволочь он оказался, а не провидцем: эта дрянь приманивала добычу для змея. Я потом тебе кое-что расскажу про эту парочку, если только это два персонажа, а не один. Но я страшно рад, что ты появился... то есть появилась на экране моего персоника. Я собирался сегодня возобновить свой договор и выйти в Реальность, чтобы поговорить с тобой.

– Нет, Ланс! – скорбно покачал рыжей головой король Артур. – Теперь у нас ничего не получится, даже если ты и вернешься в Реальность. Пропал Камелот! И мне так жаль нашей трехлетней дружбы...

– Камелот Камелотом, а дружба дружбой. Не я ли предлагал тебе перенести нашу дружбу из Реальности в настоящую жизнь? Что для тебя важнее – общение со мной или игра в рыцарей?

– Ну... Как бы это сказать... В общем, конечно, можно считать, что все-таки, наверное, ты.

– Ну а я – вот он, весь тут.

Ланселот отъехал от экрана, чтобы девушка могла увидеть его целиком – в инвалидной коляске, с не ходячими ногами, накрытыми пледом. Она так долго и пристально разглядывала его, что Ланселот даже немного смутился, а потом сказала:

– В Камелоте ты был старше, но в жизни ты кажешься умнее.

– А там я что, дураком был?

– Ну не совсем дураком, скорее не по годам восторженным – стишки, цветочки, белочки, девочки...

– Ах ты, паршивая девчонка!.. – начал было Ланселот, но от возмущения поперхнулся и снова закашлялся.

Терпеливо переждав его кашель, девушка невинно спросила:

– Вы что-то хотели добавить, сэр Ланселот Озерный?

– Я?.. Ах, да, конечно! Я хотел сказать, что ты симпатичная девушка, однако и король Артур был очень даже недурен собой! У него была такая ухоженная борода, я всегда тебе немного завидовал.

– Издеваешься?

– Нет, шучу.

– Но теперь-то ты понимаешь, Ланселот, почему я не хотела выходить на личную связь?

– Вижу и понимаю. Но ведь и ты видишь, что я так же гожусь в рыцари, как ты в короли.

– Брось, Ланс, или как там тебя, Ларс, кажется?

– Ларс Кристенсен.

– Какие похожие имена – Ларс и Ланс, всего лишь одна буква не совпадает.

– Тем не менее, это только случайное совпадение. Можешь продолжать меня звать Лансом. А как тебя зовут и где ты обитаешь?

– Зовут Дженнифер Макферсон, можно просто Дженни, а живу я в Шотландии.

– Разве еще существует Шотландия, Дженни? Я считал, что есть только бывшая Англия.

– Для нас, шотландцев, Шотландия была и есть. Мы, видишь ли, патриоты. Это от прежней Англии не осталось ни клочка суши, она вся обитает на своих «Титаниках». Зато в Шотландии не только горные вершины, но даже некоторые острова уцелели. Моя семья веками живет на таком острове, он называется остров Иона. Наши христиане говорят, что остров хранит святой пророк Иона.

– Где это?

– На юге Гебридских островов.

– И у вас там до сих пор водятся христиане?

– Встречаются. У меня няня была христианка. А ты где живешь, Ланс?

– На острове в Тронхеймс-фьорде, это бывшая Норвегия.

– Теперь почти все живут на островах. Можно сказать, что вся наша Планета – один большой архипелаг.

– Интересное замечание, Дженни. Только не забывай, что Планетой мы зовем наше сообщество, объединенное Мессией. На самом деле наша планета – это планета Земля.

– А мировое сообщество объединяет далеко не весь мир, – задумчиво сказала Дженни.

– Да, это всего лишь громкие названия. Наверное, после Катастрофы люди таким образом самоутверждались и утешались.

– Наверняка так оно и было. А почему ты тоже живешь на острове, разве Скандинавия не уцелела?

– Уцелела. Но мой остров тоже всегда был островком в Тронхеймс-фьорде. На нем когда-то жил знаменитый норвежский писатель, потом много лет обитала только наша семья, а теперь живу я один.

– Как – один? Как же ты...

– Справляюсь потихоньку.

– Но ведь ты... – Дженни снова замялась.

– Инвалид? Давай отныне, твое величество, называть все вещи своими именами. Идет?

– Идет, сэр Ланселот!

– А справляюсь я по принципу: изо всех сил стараюсь сделать то, что должен делать, и хоть что-нибудь обязательно сделаешь.

– Мне нравятся твои принципы, Ланс! И знаешь, это так здорово – иметь друга, которому можно сказать все. Мне все время было неловко, что я вас всех немного обманываю...

– Ничего себе немного!

– Ты не смейся, а лучше Расскажи мне еще что-нибудь про себя, про свой остров. Норвегия теперь очень плотно заселена, верно? Как же это никто не пытался потеснить тебя после Катастрофы? Ведь столько людей хлынуло тогда из Европы в Скандинавию.

– Мой остров – это просто большой гранитный камень в воде.

– Один камень и никакой земли?

– Земли на нем с носовой платок, на котором едва помещаются дом, небольшой сад и огород. А главное – никаких коммуникаций, кроме электролинии, вот никто и не соблазнился. Проводить сюда трубы для подачи еды, одежды и лекарств было бы очень дорого.

– Холодное голубое море, серый каменный остров с маленькой хижинкой, возле берега лодка. И все время кричат чайки...

– Э, нет! У меня не лодка, а катамаран, который ходит на батареях Тэсла. С одной лодкой на острове не проживешь. Да и хижина у меня вполне приличная: это двухэтажный дом, принадлежавший Известному Писателю. Он был гордостью норвежской литературы, пока норвежцы еще читали книги. Мой отец и я были смотрителями этого дома-музея. Теперь музей ликвидировали, и я официально стал безработным. Но я с детства умею ловить рыбу и креветок, так что меня кормит море.

– Здорово! А какие книги писал этот ваш писатель?

– Самая известная из них называется «Маленький Лорд».

– Это книга про маленького лорда Фаунтлероя? Я ее читала, она у меня есть.

– Дженнифер Макферсон! Ты читаешь настоящие книги?

– Читаю. Тайком, конечно. В моей семье такие вещи не одобряются.

– Откуда же у тебя книги?

– Случайно нашла. У нас есть чердак, куда почти никто не заглядывает, и я любила в детстве там пошарить. Вот и дошарилась как-то до сундучка с книгами. Я их по одной таскала к себе в комнату и читала.

– Ай да король!

– Правда, это все были детские книжки. Но знаешь, Ланс, что оказалось, когда я стала их сравнивать с книгами из Всемирной библиотеки?

– Знаю. Старинные книги для детей оказались серьезнее, чем современные книги для взрослых.

– Точно! У меня есть детская энциклопедия, это моя любимая книга, есть старинный учебник географии, сказки Джорджа Макдональда и сборник народных сказок со всей Британии.

– А взрослых книг на твоём чердаке не нашлось?

– Кое-что есть. Я нашла несколько Библий и целый ящик с мамиными медицинскими книгами: она когда-то хотела стать врачом, но потом вышла замуж. Но они все скучные, и я не стала их читать. А детские книжки я и сейчас перечитываю. Только вот книжка про маленького лорда у меня без обложки, и я до сих пор не знала ее автора.

– Это не та книга, Дженни. Роман, который написал наш Известный Писатель, это жесткая книга для взрослых, а Маленький Лорд – прозвище героя. Но ты меня удивила! Сейчас редко встретишь человека, который читает настоящие книги. Когда мы создавали нашу Реальность, твое величество не ведало даже, что короля Артура звали Бешеным медведем.

– Откуда же мне было ведать, мне тогда и четырнадцати лет не было! Я про короля Артура впервые прочла во Всемирной библиотеке. Книга называлась «Смерть Артура», и в ней было пять страниц. Все остальное о нем я узнала уже потом, в Камелоте.

Так они беседовали, пока Ланселот не сказал, что ему пора отправляться на лов.

– Боюсь, пока мы с тобой тут беседовали, мои креветки угостились бесплатно и разбрелись по своим делам, а я не могу себе позволить такой благотворительности. Так что извини,

Дженни, но сейчас я должен выйти в фьорд, поднять ловушки и разложить новые приманки.
Давай-ка твой код, королек!

На этот раз Дженни не спорила.

Глава 6

Путина лосося закончилась, остались только креветки. Но во время путины охотиться на лосося из Европейского моря пришли стаи хищников-мутантов; лосось ушел, и большинство мутантов мигрировало за ним, но отдельные твари остались в Норвежском море и засели в фьордах. Ланселот не выходил теперь в море без отцовского ружья. Мутанты изрядно ему досаждали: они распугивали рыбу, подбирали всю живность в фьорде и даже крали приманки из ловушек, и он отстреливал тех, что попадались ему на глаза. Креветок становилось все меньше, и Ланселоту приходилось копить улов, чтобы продать на рыбном рынке пару ящиков замороженных креветок.

Возвращаясь с моря, он складывал улов в морозильную камеру, завтракал и вызывал Дженни – она вставала намного позже. Он желал ей доброго утра, рассказывал о лове, а потом они просто беседовали.

Дженни рассказала Ланселоту о своей семье. Как он понял, в семье Макферсонов перепутались родовые традиции и планетные обычаи. Имея право носить любую одежду, дома все носили планетную форму; по праздникам и в дни семейных встреч готовили натуральную пищу и ели ее в общей столовой, но в обычные дни питались по своим комнатам едой из общепланетной сети; жили в одном доме, но общались между собой мало, проводя время по своим комнатам у персоников. Все мужчины в роду Макферсонов по семейной традиции были военными, отец и четыре старших брата Дженни служили где-то на границе с Россией. Сами они редко бывали дома, а их жены, невыносимо скучные и унылые, сутками торчали в любовных сериалах Банк-Реаля. Заправляла домом мать. Она следила за тем, чтобы в доме был порядок и соблюдались приличия, но большую часть жизни тоже проводила у персоника. Обязанности слуг выполняли списанные из клон-армии покалеченные клоны, которых братья натащили полный дом, скупив по дешевке. Дженни целыми днями было не с кем перемолвиться словом, но зато она была свободна и могла заниматься чем угодно – в пределах поместья. Впереди ее ждало традиционное замужество: девушки Макферсонов обычно выходили замуж за военных.

Ланселот рассказывал Дженни, как идет подготовка к дальнему плаванью. Он уже пристроил к рулевой рубке камбуз и даже поставил там совсем маленькую чугунную плиту из матушкиной летней кухни. Дженни очень жалела, что он не может показать ей катамаран: из окон дома заливчик не был виден. Она была любопытна, как белка, и заставляла его поворачивать экран, чтобы разглядеть все уголки его комнаты.

– Зачем тебе вторая коляска, Ланс? – спрашивала она.

– Это старая коляска, я на ней езжу в душ.

– А почему у тебя в углу висит распятие?

– Я обещал матушке никогда не снимать его. Она была христианка.

– А что это за книга лежит на столике под распятием?

– Матушкина Библия.

– Ты ее читал?

– Нет.

– И я не смогла. У Библий какие-то странные переплеты: как только я брала Библию в руки, у меня начинал зудеть персональный код.

– Переплеты тут ни при чем. Матушка, у которой не было кода, предупреждала меня, что если я поставлю печать Мессии, то не смогу потом взять в руки Библию. Так уж устроен наш персональный код.

– А для чего он так устроен?

– Понятия не имею. Возможно, для того, чтобы люди не забивали себе головы христианскими сказками. Я свою Библию не читаю, я только пыль с нее смахиваю.

– Покажи мне другие книги.

– Пожалуйста! – И он снимал с полок книги одну за другой, показывал ей и рассказывал, о чем они, иногда читал вслух страничку-другую или просто пересказывал содержание.

Несмотря на строжайшую экономию, к середине весны Ланселоту не удалось отложить даже пятидесяти планет. Он уже сомневался, удастся ли ему собрать к началу лета всю сумму на ММ, а ведь нужны были еще и деньги на дорогу.

Торопился он по двум причинам, и первая была чисто навигационная: он должен был достичь Гибралтара до осенних атлантических штормов. Вторая причина касалась политики. Обстановка в мире становилась все тревожнее, каждую неделю передавались сообщения о новых провокациях русских на границах с землями Планеты. Месс все чаще говорил планетянам о необходимости спасения народов России и установления единого мирового порядка на всем земном шаре. Беседуя с рыбаками и торговцами на рынке, Ланселот видел, что люди всерьез опасаются войны.

В одном из своих выступлений Мессия вдруг объявил, что люди Планеты должны экономить не только еду, но и одежду. Зеленая пластиковая форма была упразднена, теперь всем планетянам разрешалось носить любую одежду, и это было бы совсем неплохо, если бы одновременно власти позаботились обеспечить людей этой самой одеждой. Жители Тронхейма прямо на глазах становились похожими на асов. За годы ношения униформы люди, жившие в тесных жилищах, избавились от запасов одежды, и теперь им приходилось носить то, что удалось найти в домах или купить с рук. Затем неожиданно была отменена бесплатная медицинская помощь, за исключением эвтаназии. Однако каждый восьмерик по-прежнему шли прямые передачи со стадиона в Иерусалиме, где происходили исцеления. Инвалиды и тяжелобольные продолжали стекаться в Иерусалим.

Ланселот и Дженни оба смотрели новости Планеты, но обсуждали их редко. Они чаще сравнивали красоту утренней или вечерней зари над Гебридами и над Тронхеймс-фьордом, поворачивая экраны персоников к окнам. Оба были увлечены своей обновленной дружбой. Дженни знала, что Ланселот вот-вот тронется в путь, и спешила с ним наговориться. Она перевела на его счет тридцать планет – все, что у нее было. Ланселот спокойно принял эти деньги, уверенный, что сумеет вернуть долг, как только встанет на ноги. У него был план после исцеления вернуться на остров, взять в аренду небольшую рыбацкую шхуну, собрать команду хороших крепких ребят и заняться рыбной ловлей всерьез.

В конце весны случилась беда. Поднимая со дна зацепившуюся за камни ловушку для креветок, Ланселот слишком сильно перегнулся через борт, забыв перед этим поставить коляску на тормоз – коляска отъехала назад, и Ланселот свалился в воду. Он умел плавать, работая только руками, без помощи ног: Кристенсены жили в окружении воды, и предусмотрительный отец с детства обучил его плаванию. Он не утонул и сумел, ухватившись за якорную цепь, подтянуться на руках и перевернуться через борт. Но сухой одежды, чтобы переодеться, на катамаране не было, и дело кончилось тем, что застарелая простуда перешла в бронхит. Ланселот изо всех сил сопротивлялся болезни, пытаясь лечиться домашними средствами. Он съел банку малинового варенья, извел все свои запасы лука и чеснока, потребляя их вместе с шелухой, но и фитонциды мало помогли. А хуже всего было то, что как раз в это время наступило обычное весеннее похолодание, в доме стало сыро и холодно, а он не включал отопление на полную мощь, сберегая батарейки Тэсла на долгое плаванье в Иерусалим.

– Тебе, наверное, уже надоело слушать, как я кашляю на тебя прямо с экрана? – спросил он Дженни во время очередной встречи.

– Мне за тебя беспокоиться надоело. Что там за врачи у вас, что не могут тебя вылечить?

– Они могут, только мне их метод не подходит: это все равно, что прибегать к гильотине для лечения головной боли.

– Что за мрачные шутки, Ланс?

– Мое дорогое величество, это не шутка. Врачи мне ничего не предложат, кроме эвтаназии, – я ведь безработный инвалид.

– Скажи, а градусник у тебя есть?

– Есть.

– Достань его и поставь при мне: я хочу знать, какая у тебя температура.

После того, как Дженни выяснила, что температура у Ланселота уже около сорока, она на некоторое время исчезла, а потом появилась с толстой потрепанной книгой в руках. Она принялась допрашивать его, глядя в книгу.

– Тебе легче дышать, когда ты сидишь, а не лежишь?

– Похоже, что так.

– Ночью ты потеешь?

– Иногда просыпаюсь мокрый как мышь.

– При кашле у тебя болят бока?

– Все болит.

– Я тебя про бока спрашиваю, сэр Ланселот!

– Ну болят, болят у меня бока при кашле...

– Если верить моему справочнику, Ланс, у тебя самое настоящее воспаление легких.

Пневмония.

– Подумать только! Слушай, Дженни, а что это за справочник, по которому ты мне ставишь такие серьезные диагнозы?

– Это «Руководство по домашнему уходу за больными».

– Где ты раскопала этот раритет?

– Все на том же чердаке, в мамином сундуке с медицинскими книжками.

Дженни велела Ланселоту добраться до аптечки и перечислить имеющиеся в ней лекарства. Но по ее лицу он видел, что она встревожена и чувствует себя беспомощной, несмотря на свой премудрый справочник.

– Ты понимаешь, Ланс, это очень древняя книга, еще прошлого века, тут все названия какие-то незнакомые...

– Я понимаю и не очень на нее рассчитываю. Жуткие болезни, должно быть, были в прошлом веке?

– И болезни другие, и лечили по-другому, а уж как ухаживали за больными – это просто кошмар! Я бы с собой покончила без всякой эвтаназии, если бы кто-нибудь из моих родственников попробовал так со мной обращаться!

– Как же они ухаживали за больными?

– Они их все время трогали! Они их ворочали, перестилали им постель, делали компрессы, уколы, перевязки – и все это голыми руками!

– Ужас какой! – засмеялся Ланселот. – Но это и сейчас делают в больницах, Дженни.

– Такие процедуры делаются под наркозом, чтобы не травмировать психику больных, и с соблюдением строгих гигиенических правил. Маленькой я однажды лежала в больнице, когда упала с дерева и сломала ногу. Конечно, за мной ухаживали медицинские сестры, но они все были в специальных защитных костюмах, в перчатках и в кислородных масках: голыми руками никто ко мне не прикасался и никто на меня не дышал. И мне, конечно, давали наркоз перед осмотром врачей. А здесь ничего не сказано ни про наркоз, ни про маски, ни про защитные костюмы. А какие картинки! Это просто кошмарники из Реальности, а не руководство по уходу!

– Покажи-ка.

Дженни полистала книгу, нашла одну из самых страшных, по ее мнению, картинок и показала ее Ланселоту.

– М-да-а... – сказал он и покачал головой.

На картинке был изображен лежащий ничком больной, а над ним склоненная женщина, раскладывающая у него на спине какие-то прямоугольники.

– Ты хоть знаешь, Дженни, что она делает с этим беднягой?

– Хочешь, я прочту вслух?

– Я тебе и так скажу: она ставит ему горчичники. Ты знаешь, что это такое?

– Нет.

– А что такое горчица?

– Представь себе, знаю! Это растение, из которого делается горчичный соус.

– Правильно. В старые времена было не три соуса, как сейчас – горчичный, соевый и томатный, а сотни разных соусов и приправ. И была просто горчица, такая очень острая паста, я ее помню. Матушка рассказывала, что в дни ее молодости горчица была нескольких сортов. Для лечения простуды из нее делали горчичники: намазывали горчицу на листы бумаги и лепили их прямо на голое тело. Матушка не раз ставила мне горчичники на спину.

– Жуть какая!

– Ничего особенно жуткого. Немного пощиплет, а потом становится просто жарко.

– Но твоя матушка, конечно, надевала при этом перчатки и маску?

– Никогда не надевала.

– Что ж, она прямо так и дышала на тебя?

– Прямо так и дышала. А когда заканчивала процедуру, обязательно целовала меня, если я вел себя хорошо и не капризничал.

Дженни смотрела на него расширенными глазами.

– Ланс, ты меня разыгрываешь? – спросила она жалобно.

– Ни чуточки.

– Скажи мне честно, Ланс, твой отец тоже притрагивался к тебе голыми руками?

– Конечно! Я не сразу научился одеваться самостоятельно, мне помогали родители. И не надевать же было моему отцу перчатки всякий раз, когда он хотел погладить меня по голове или похлопать по плечу.

– Ох, бедный ты мой Ланселот! Мало того, что ты родился инвалидом, так ты еще и постоянно подвергался личным прикосновениям!

– Что правда, то правда – подвергался. В нашей семье закон о личной неприкосновенности и правило о двух вытянутых руках нарушались постоянно.

– «Ни один планетянин не имеет право приблизиться к другому планетянину на расстояние, превышающее расстояние между их вытянутыми руками».

– К этому правилу есть примечание, в котором перечислены исключения. Ты разве не знаешь об этом, Дженни?

– Конечно, знаю! Исключения допускаются в отношении полицейских, тюремных и медицинских работников, супругов, а также родителей и их детей до двухлетнего возраста.

– Так тебя, Дженни, после двух лет никто не целовал и не обнимал?

Дженни отвернулась и покраснела.

– Ну так как же?

– Наша няня... Она была христианка и поэтому, наверное, постоянно нарушала «правило двух вытянутых рук». Но мы были маленькие и не понимали, что это плохо. Она нас не только целовала, гладила по волосам, она еще и... Нет, не могу!

– Что еще?

– Мне ужасно стыдно, Ланс!

– Ну открой уж и этот секрет, Дженни!

– Когда я не слушалась, она меня... она делала вот так! – и Дженни показала, как няня шлепала ее пониже спины.

– Подумать только, какое чудовищное нарушение личной неприкосновенности! – сказал Ланселот, смеясь. – С тобой, Дженни, не соскучишься!

– Смеешься... А когда наши родители узнали об этом, они возмутились и немедленно няню прогнали. Я скучала по ней и целый год шаталась по дому без надзора. Вот тогда я и нашла на чердаке книги. А потом меня отдали в закрытую школу-пансион, и с тех пор ко мне, слава Мессу, никто никогда не прикасался.

– Все понятно. Меня, к счастью, ни в какую закрытую школу не отдавали.

– А почему? Разве не было тогда школ для детей-инвалидов?

– Они и сейчас есть. Средняя продолжительность жизни детей в таких школах один-два года: ровно столько, пока длятся эксперименты над ними. Такие дети никому не нужны, кроме родителей, если те их любят, конечно.

– Ну хорошо, твои родители тебя любили. Но разве это давало им право издеваться над тобой?

– Дженни, они надо мной никогда не издевались, они меня очень любили!

– А поцелуй? А личные прикосновения? Не станешь же ты утверждать, что тебе это нравилось?

Ланселот начал было смеяться, но сразу же закашлялся.

– Ой, прости! Я совсем не хотела тебя расстраивать, Ланс!

– Ты меня не расстроила, а рассмешила. Дженни, а ты сама любишь детей?

– Не знаю, Ланс. Я их никогда близко не видела, только в новостях по персонику.

– Тогда тебе трудно понять... Пстой! Ты как-то рассказывала, что у тебя есть ослик Патти и ты сама выкормила его из соски, так?

– Так.

– А тебе очень противно было к нему прикасаться?

– Ну что ты, Ланс! Ослик – это же не человек! И потом, он всегда был такой лапушка...

– Ты и сейчас его гладишь, треплешь за уши – где же твоя брезгливость?

– Ты говоришь глупости, сэр Ланселот. Трогать ослика, птицу, бабочку можно, хотя на них, конечно, полно микробов, и после этого надо мыть руки антисептическим мылом. К Патти, впрочем, это не относится: я его раз в неделю мою специальным шампунем для лошадей, так что он всегда чистый. А людей трогать нельзя потому, что этим ты нарушаешь зону их личной неприкосновенности, «зону комфорта». Нормальный человек не хочет, чтобы к нему прикасались другие, и это не столько из-за опасности инфекции, сколько из самоуважения. Понял теперь?

– Нет, не понял. У меня другие понятия о проявлении уважения к личности, – рассерженный Ланселот снова закашлялся.

– Не притворяйся, пожалуйста. Смысл «правила двух вытянутых рук» понятен каждому, у кого есть мозги и руки. И давай лучше вернемся к моей книге. Она хоть и страшная, но полезная. Тут сказано, что при сильном кашле надо приподнять больного и дать ему выпить горячее питье. У тебя есть горячее питье?

Ланселот показал на термос, стоящий на столике у изголовья.

– Приподнимись и выпей немного горячего чаю!

Ланселот послушался, и кашель затих.

– Вот видишь! – сказала Дженни. – И совсем необязательно трогать человека голыми ручищами, чтобы ему помочь.

К вечеру Ланселоту стало еще хуже, и Дженни заявила, что хочет остаться на связи с ним всю ночь:

- Ты постарайся уснуть, а я буду следить за твоим сном.
- Королек, не фантазируй! Ты представляешь, во сколько планет тебе обойдется такое ночное бдение?
- Ночью установлен льготный тариф.
- Да, но я-то спать не смогу, если буду знать, что прекрасная юная дева всю ночь глазеет на меня с экрана!
- Я тебе не дева какая-то, а друг.
- И все-таки я не разрешаю тебе ухаживать за мной по персонику. Завтра мне станет лучше, вот увидишь! А сейчас я хочу уснуть: я вспотел, споря с тобой, и устал.

И Ланселот прервал связь.

А наутро ему стало так плохо, что он уже не смог пересесть в коляску и подъехать к персонику, чтобы вызвать Дженни.

Потянулись дни тяжелой болезни. Ланселот уже не понимал, когда ночь сменяет день, все превратилось в один тягостный бред, сменявшийся полным забытием. В редкие минуты просветления он пытался встать и добраться до персоника. Помочь ему король Артур, конечно, ничем не мог, но ему хотелось его видеть. После смерти матушки Ланселот ничем сильно не болел, и оказалось, что очень плохо болеть одному. Ему хотелось, чтобы кто-нибудь просто был рядом с ним, и однажды Ланселоту даже привиделось в бреду, будто Дженни входит в его комнату, подходит к постели и кладет на его пылающий лоб прохладную руку, и бред этот потом несколько раз повторялся. Иногда король Артур превращался в симпатичного старого гнома с белой бородой и пушистыми, как у рыси, бакенбардами. А как-то вдруг обернулся маленьким серым осликом, только глаза у него были, как у Дженни – большие и похожие на каштаны.

Глава 7

Однажды Ланселот пришел в себя и, не открывая глаз, почувствовал, что все изменилось в нем самом и вокруг. Сначала он услышал пенье птиц, а потом его лица коснулось легкое движение свежего, пахнущего морем воздуха. Он понял, что в комнате открыто окно. Повернув голову, он открыл глаза. Ветерок шевелил в раскрытом окне невесть откуда взявшуюся белую занавеску. Рядом с окном стояло кресло, а в нем, прислонившись лицом к высокой спинке, спала девушка. Он видел только профиль – нос, составлявший прямую линию с высоким лбом, и упрямый круглый подбородок, и сначала не узнал ее. На голове у девушки был повязан зеленый шелковый платок, из-под которого на лоб выбивались рыжие завитки волос. Дженни?

Почувствовав его пристальный взгляд, Дженни вздрогнула, открыла глаза и поднялась с кресла.

– Ланс! Ты очнулся? Наконец-то!

Она подошла к его постели и остановилась в двух шагах от нее. Даже на расстоянии Ланселот почувствовал, что от нее пахнет высыхающей водой и свежестью.

– Ты купалась? – спросил он, еще не понимая, как это Дженни вдруг появилась в его доме.

– Да, купалась.

– Вода холодная?

– Жуть какая холодная...

Она подошла ближе, опустила голову и заплакала, вытирая слезы руками. Ланселот потянулся было, чтобы взять ее за руку и утешить, но не решился, и снова откинулся на подушку, с улыбкой глядя на плачущую девушку. Напротив было окно с покачивающейся от ветра занавеской, и когда оно тоже стало раскачиваться на стене из стороны в сторону, Ланселот понял, что ему не хватает воздуха и от этого у него кружится голова. Он попытался вздохнуть глубже раз, другой и вдруг разразился раздирающим грудь кашлем.

Дженни побежала к столу, потом вернулась, подсунула руку под его подушку, приподняла ее вместе с головой и поднесла к его губам стакан с каким-то остро пахнущим питьем.

– Выпей немедленно, Ланс, тебе сразу станет легче. И не бойся кашлять – это очень хороший кашель!

– Угу, – сказал он, выпив микстуру и отдышавшись, – кашель просто замечательный. Я бы сказал, девятибалльный кашель.

– Доктор Вергеланн очень волновался, что у тебя был «непродуктивный кашель», а теперь ты начал откашливаться, и это правильный кашель.

– Кто такой доктор Вергеланн?

– Врач, который тебя лечит, доктор Олав Вергеланн. Он из Тронхейма и каждый день приплывает сюда на катере. Неужели ты его не помнишь? Ты ведь даже разговаривал с ним.

– Так вот кто это был! Доктор Вергеланн, глава Медицинского центра в Тронхейме, я слышал о нем.

– Ну да, это он. В первые дни он от тебя не отходил, даже ночевал здесь. Это он тебя спас!

– И ты тоже, Дженни.

– Я только выполняла его предписания.

– А я в бреду недоумевал, почему это ты время от времени превращаешься в симпатичного старого гнома с бакенбардами?

– Доктор Вергеланн и вправду похож на гнома-переростка.

– Еще ты иногда превращалась в маленького симпатичного ослика.

– Ослик – тоже правда.

– Это твой Патти?

– Ну да.

– Как он-то сюда попал?

– Очень просто – через открытую дверь, когда я проветривала дом. Доктор говорит, что свежий воздух – лучшее для тебя лекарство.

– Я очень рад, что ты привезла ко мне в гости своего Патти, вот только не пойму – зачем?

– Ланселот! Ты знаешь, что в прежние времена одинокие люди заводили себе собак. Как ты думаешь, если такой собаковод ехал в гости далеко от родного дома, он брал с собой собаку?

– Гм, если он был действительно одинок, то, конечно, брал. Я где-то читал, что в старинных поездах и самолетах были даже специальные места для собак, на них продавались билеты.

– Вот видишь! У людей были кошки и собаки, а у меня – ослик Патти. Считай, что это мой королевский каприз.

– Ладно, так и буду считать, мой король. Только держи своего Патти подальше от моего огорода. Но как тебе удалось его сюда привезти? Теперь ведь нет ни домашних животных, ни билетов для них.

– Он прилетел со мной на военном грузовом вертолете.

– Где же ты нашла военный вертолет, Дженни?

– Надо знать где искать.

– Расскажи!

– Потом, мой дорогой сэра Ланселот. Сейчас ты должен выпить лекарство.

Она встала, и только тут Ланселот толком разглядел ее статную фигуру с высокой грудью и широкими бедрами. Он очень удивился: почему-то он был уверен, что Дженни маленькая, и фигура у нее как у подростка. Когда она поднесла ему какие-то таблетки и стакан воды, он послушно принял лекарство и заметил на ее белоснежной с веснушками руке массивный золотой браслет, явно старинный. Она производила впечатление старомодной девушки, и ему это нравилось.

Выпив лекарство, Ланселот потребовал, чтобы Дженни немедленно рассказала ему, как же она оказалась на его острове.

– Очень просто. Когда ты перестал отвечать на мои вызовы, я поняла, что тебе совсем худо. Я знала, что твой остров находится в Тронхеймс-фьорде и рядом на берегу стоит город Тронхейм. Я нашла его на карте в моем учебнике географии и стала думать, как мне до тебя добраться. Тут как раз прилетел на военном вертолете один из моих старших братьев – в отпуск. Я уговорила его на обратном пути захватить меня и Патти и доставить в город Тронхейм в бывшей Норвегии. Маме мы сказали, что я лечу к нему в гости, потому что он хочет познакомить меня со своим другом. Мама спит и видит поскорее пристроить меня замуж, и она отпустила меня.

– Надолго она тебя отпустила?

– Да хоть насовсем! Я думаю, что сегодня она уже не помнит, что у нее где-то есть дочь: моя мать целиком занята собой и своей Реальностью. Мы прилетели в Норвегию, мой братец высадил нас с Патти на вертолетной площадке тронхеймских экологов, пожелал мне счастья и растаял в облаках. Я догадалась пойти в Центр питания, и там один симпатичный чиновник рассказал мне, как найти твой остров. По его же совету я обратилась в Медицинский центр к доктору Вергеланну, и доктор сразу согласился навестить тебя. Он привез нас на своем катере.

– И давно вы с доктором Вергеланном меня лечите?

– Две недели.

– Это выходит, я две недели был без сознания?!

– Больше, ведь я прилетела только через три дня после того, как ты перестал выходить на связь.

– Понятно. Похоже, дорогой мой королек, ты спасла своего рыцаря от гибели! Так я теперь твой вечный должник?

– Само собой. А теперь я должна пойти на кухню и приготовить тебе куриный бульон.

– Еще одно чудо! Откуда на моем острове куриный бульон? Надеюсь, ты не сварила его из чайки?

– Нет, не из чайки. Это я свистнула коробку бульонных кубиков из военного рациона моего братца. Доктор Вергеланн велел поить тебя бульоном часто и понемногу.

– Но я совсем не хочу есть, я не голоден.

– Сэр Ланселот, бульон – это не еда, а лекарство. И потом, почему ты обсуждаешь мои приказы? Король я или не король?!

– Ты – королек. Иди, готовь свой бульон.

Дженни ушла на кухню, а Ланселот лежал и блаженно улыбался. На секунду мелькнула мысль о том, в каком безобразии застала его девушка, прибыв на остров. От этой мысли его бросило в жар, но он тут же успокоил себя: он инвалид, и все человеческое ему чуждо. Гораздо интереснее узнать, почему это доктор, зная его положение, не попытался применить к нему закон об эвтаназии, пока он находился без сознания? Но и о странном докторе сейчас не думалось. Ланселоту было хорошо, спокойно и не хотелось ничего, кроме куриного бульона.

Получив свой бульон и выпив полчашки, Ланселот устало сказал Дженни:

– Знаешь, я почему-то так и не выпался за время болезни. Ужасно хочу спать.

– Это восстановительный сон. Спи на здоровье.

– А ты что будешь делать?

– Сяду возле окна и буду вязать тебе фуфайку из настоящей овечьей шерсти: тебе придется какое-то время очень беречь легкие, когда ты встанешь с постели.

– Ага... Матушка тоже вязала... разные вещи... из шерсти...

– Угу. А теперь давай сюда чашку, пока ты ее не уронил, ведь ты совсем спишь, – Дженни взяла из его ослабевших рук чашку, погладила его по руке и тихо удалилась. Ланселот хотел спросить Дженни, как там с «правилом двух вытянутых рук», но ему было лень окликать ее; он повернулся на бок и с наслаждением уснул.

К вечеру они слышали за открытым окном звук мотора. Дженни вышла на террасу и, вернувшись, сказала, что это доктор Вергеланн.

Ланселот был рад увидеть наяву своего спасителя. Невысокий, полноватый, но крепко сбитый доктор был похож не столько на гнома, сколько на шкипера со старинного судна, только трубки в зубах не хватало. Осмотрев Ланселота, он сказал, что тот может в хорошую погоду выходить на воздух, но должен избегать сквозняков и переохлаждения.

Дженни предложила доктору Вергеланну чашку чая, приготовленного ею из листьев земляники и мяты. Дженни привезла с собой свое руководство по уходу за больными, а в нем были главы, посвященные лекарственным травам, и теперь она прилежно их штудировала. Доктору чай понравился, но пил он стоя – торопился к другому больному.

– Берегите лекарства, Дженни, – сказал он, – и больше поите его разными травками. В Медицинском центре практически нет лекарств, к нам почти ничего не поступает из Осло, кроме средств для проведения эвтаназии.

Доктор оставил Дженни все предписания и скудный набор лекарств. Она проводила его до причала, и там он еще раз подтвердил, что кризис миновал и Ланселот пошел на поправку. Он сказал, что теперь будет реже посещать больного, но без наблюдения его не оставит.

Когда Ланселот окреп и перебрался из постели в коляску, он сразу же начал понемногу выезжать из дома. Он познакомился с Патти.

– Правда же, он немного похож на Индрика? – спросила Дженни.

– Правда. Особенно в профиль, когда его уши находятся на одной линии – тогда они один к одному рог единорога.

– Сэр Ланселот!

– Я не шучу, сама погляди сбоку. Можно мне его погладить?

– Нет. Патти разрешает это только знакомым.

– А мы с ним сейчас познакомимся. Иди сюда, ушастик!

Патти подошел к Ланселоту и подставил ему темя, приглашая почесать.

– Смотрите-ка, он тебя сразу признал! Знаешь, Патти объедает всю траву на твоём острове. И цветы тоже... Ты не в претензии?

– Ну что ты! Правда, тут ее маловато и она довольно жалкая, но на одного ослика, пожалуй, хватит. Я знаю, где на соседних островах самая сочная трава. Вот я поправлюсь, мы туда сходим на моем катамаране, и он там попасется на приволье.

– Я видела твоего «Мерлина» и весь его облазила. Ты там оставил ящик с креветками, они протухли и жутко воняли: пришлось мыть и проветривать трюм.

– Спасибо, королёк! Из тебя, пожалуй, выйдет настоящая рыбачка.

– Надеюсь! Нам ведь по дороге придется рыбачить для пропитания, да, Ланс?

– По дороге? Нам?

– Ну да. Мы, как я понимаю, скоро отправимся по воде в Иерусалим.

– Ты что, собираешься сопровождать меня в этом паломничестве?

– Самой собой. Кто-то должен приглядывать за тобой в дороге, ты же перенес такую пневмонию!

– Ну-ну...

Подобное решение ему и в голову не приходило, но было в нем нечто лучезарное. Брать королька в столь опасное и дальнее паломничество, разумеется, никак нельзя, но помечтать о плавании с Дженни в Иерусалим, а главное, из Иерусалима, когда он станет на ноги, – почему бы нет? Мечты о паломничестве вдвоем – это что-то вроде путешествия в Реальности, только куда безопаснее. И они принялись вдвоем фантазировать о том, как поплывут в Иерусалим, что возьмут с собой в плаванье и что будут делать в пути. В этих мечтах даже Патти занял свое место на палубе катамарана.

Ланселот быстро шел на поправку. Теперь он больше времени проводил на воздухе, а кашлял все меньше. И вот наконец они решили устроить пикник и втроем отправились на катамаране на один из соседних лесистых островов.

Это был низкий островок, поросший веселым смешанным лесом. На его опушках росли подушки вереска, огромные гранитные валуны были с южной стороны покрыты нежно-лиловым тимьяном, а солнечные поляны в лесу поросли удивительно зеленой, какая бывает только на островах, и уже довольно высокой травой. И конечно, весь остров был покрыт весенними цветами: мелким желтым чистотелом, белыми и синими анемонами, первоцветом, ветреницей, мать-и-мачехой. Ланселот знал, что позже появятся и морошка на маленьком болотце, и земляника на прогретых каменистых пригорках, и малина по краям лесной дороги, а потом пойдут и грибы. Может быть, Дженни все это еще увидит.

Они прошли по лесной дорожке в глубь леса, где Ланселот с детства знал раскинувшуюся среди прозрачного березняка большую поляну с особенно густой и сочной травой, и там они пустили счастливого Патти пастись на воле. Дженни расстелила на траве плед и поставила в центре корзинку с припасами для пикника. Ей пришлось помочь Ланселоту перебраться из коляски на плед, и она сделала это, не дожидаясь просьбы. Она только покраснела при этом ужасно. Ланселот это заметил и усмехнулся. Потом они сидели каждый на своем краю пледа, пили чай из термоса и ели бутерброды, разговаривали и наслаждались теплым днем.

Им повезло: сквозь обычную дымку ненадолго проглянуло солнце.

– Как я соскучилась по солнышку! – сказала Дженни, сняв свитер и оставшись в майке из натуральной ткани, выгоревшей и заштопанной во многих местах: Ланселот узнал свою старую майку, и ему было приятно, что она нашла ее, привела в порядок и носит, но вслух он ничего не сказал.

– Поскорее бы нам отправиться в Иерусалим, – сказала вдруг Дженни.

– Милый мой королек, я не надеюсь до августа заработать деньги на исцеление. Боюсь, придется все отложить до будущего года. Тебе к тому времени пора будет возвращаться домой, и ты не сможешь сопровождать меня в это паломничество, – сказал Ланселот, а про себя подумал: не слишком ли они с Дженни увлеклись фантазиями о совместном путешествии? Девочка, кажется, начинает принимать их всерьез.

– Ланс, послушай меня, пожалуйста! Мы должны отправиться в путь сразу же, как только позволит доктор Вергеланн. Мой брат, тот, который нас с Патти сюда доставил, по секрету сказал мне очень важную вещь: среди военных ходят слухи, что вотвот начнется война с Россией. Планета, конечно, победит, но возможно, что из-за военных действий все передвижения будут запрещены. Он сказал еще, что между бывшей Европой и Скандинавией вотвот установят кордон. Так что тянуть и рисковать не стоит.

– Твой брат, похоже, добрый и отважный человек, Дженни, и он так любит тебя...

Она хихикнула.

– Мой брат настоящий Макферсон и больше всего на свете любит армию, свою карьеру и деньги! Он совсем не добрый, но зато теперь он богатый. У нас был состоятельный дедушка, которого я совсем не помню. Он давно умер и оставил всем своим внукам наследство: братьям больше, мне меньше, но всем с условием, что мы вступаем в права владения только в двадцать один год. Братья уже давно получили свои доли, оставалась я одна. Вот я и передала брату свои права на дедушкино наследство – за то, что он устроил мне маленькое путешествие в Норвегию и положил на мой счет небольшую сумму. От наследства осталось у меня только это, – она подняла руку с браслетом. – Это бабушкин браслет, и он тоже был указан в завещании, но ношу я его с детства. Теперь у нас есть деньги на исцеление, Ланселот, и мы можем хоть сегодня перевести их на счет ММ. К сожалению, мне не удалось получить с него больше, а то ты мог бы лететь на вертолете.

- И за сколько же ты продала свое наследство, Дженни?
- За двести планет.
- А велико было наследство?
- Лучше не спрашивай, Ланс.
- И все-таки?
- Две тысячи двести планет.
- Да, твой брат провел недурную финансовую операцию!
- Представь себе, Ланс, мы с ним еще торговались! Пришлось мне рассказать ему, на что мне срочно нужны деньги.
- И он согласился доставить тебя к незнакомому человеку и оставить у него?
- Как раз это ему было безразлично. Зато он решил, что у тебя, как у инвалида, совсем нет денег, а то бы мне не удалось вырвать у него даже эти двести планет. Если бы он знал, что у тебя уже есть половина взноса, он бы со мной не так торговался! Но я пожадничала и схитрила – я ведь тоже из семьи Макферсонов. Я решила, что нам самим деньги пригодятся в дороге, ведь придется останавливаться в гостиницах и питаться в ресторанах.
- «Нам», – сказала она, и опять у Ланселота не хватило духа признаться Дженни, что он никогда не принимал всерьез ее решения отправиться с ним в Иерусалим.
- Есть еще одна новость, которую ты проболел, – продолжала девушка, – теперь батарейки Тэсла уже не выдаются бесплатно, а стоят пять планет штука.
- У меня есть в запасе четыре батарейки.
- Ты думаешь, этого хватит на дорогу в Иерусалим?
- Не уверен. Обычно в год катамаран сжигает одну батарейку, но ведь в море я выходил не каждый день и ходил на катамаране самое большое пять часов. Ладно, на батарейки хватит. А насчет гостиниц и ресторанов, это ты, королек, зарвалась. Спать придется в каюте катамарана, а еду готовить на камбузе. Еще какие расходы предусмотрел мой королек?
- Самые важные. Непредвиденные.
- Да, обычно эти расходы как раз и оказываются самыми крупными. Ну что ж, мое королевское величество, я беру у тебя в долг твои тысячу двести планет в расчете на исцеление. Ну а уж как долго я тебе буду их выплачивать, этого я пока не могу тебе сказать.
- Надеюсь, что очень долго.
- ?
- Видишь ли, мне нравится твой остров, и я не покину его, пока ты не вернешь мне полностью дедушкино наследство.
- Это почему?
- Потому что я – из Макферсонов, а они все жадные, хитрые и очень осторожные. Я буду свирепым кредитором и постараюсь глаз с тебя не спускать. Знаешь, Ланс, я всегда так тосковала, когда тебя не было в Камелоте!
- Дженни! Я не хочу больше ни единого слова слышать от тебя ни о Реальности, ни о Камелоте! С Реальностью покончено, ты меня слышишь, Дженни?
- Да слышу я, слышу... Пойду-ка я лучше вместе с Патти цветы собирать, а то ты на меня кричишь. Ты пока подремли на солнышке.
- Ланселот так и сделал и даже уснул.
- Разбудила его Дженни, сунув ему в лицо нагретые солнцем цветы.
- Понюхай, сэр Ланселот, как они пахнут! В Логрисе таких не было!
- Ланселот чихнул и похвалил цветы. Дженни бросила всю охапку на одеяло, села рядом и принялась их разбирать.
- Знаешь, моя мать не разрешает держать дома живые цветы ни в горшках, ни в вазах. Считает, что это негигиенично. Но зато у нас полон дом искусственных цветов. Перед Днем Месса и Хэллоуином все эти букеты отдают в химическую чистку.

– Что такое «химическая чистка», Дженни?

– Это такое особое предприятие в сфере обслуживания Семьи. Те, кому разрешено носить свободную одежду и пользоваться коврами, мехами и прочими старинными вещами, могут сдать туда эти вещи, чтобы их почистили.

– Дженни, так твоя семья имеет отношение к Семье?

– Разве я не говорила? Все мои старшие братья – члены третьего круга Семьи, как и все офицеры, а мать как дочь генерала входит даже во второй круг и имеет еще больше привилегий.

– А ты, Дженни?

– Я обыкновенная планетянка, но с некоторыми привилегиями, положенными мне как члену семьи членов Семьи... Фу, заговорила!

– Не мудрено. Довольно запутанная иерархия.

– Угу... Мне разрешено носить любую одежду и длинные волосы, пользоваться косметикой и не пользоваться едальником. Ты пробовал еду из Центра питания? Это такая гадость! Но все это уже не имеет значения, потому что теперь все планетяне должны сами себя обеспечивать и едой, и одеждой, и бесплатное удаление волос упразднили, так что все планетяне начинают постепенно обзаводиться прическами... Ланс, ты случайно не умеешь плести венки? Я хочу сплести веночек, но у меня ничего не получается. Оказывается, это гораздо труднее, чем вязать на спицах.

– Когда-то мы плели венки с матушкой. Отбери цветы с гибкими длинными стеблями, одуванчики, например.

Ланселот не сразу, но все-таки вспомнил, как плетутся венки, и показал Дженни. Она очень старалась, и через полчаса веночек был готов.

– Что это он у тебя такой растрепанный? – спросил Ланселот.

– Такой фасон.

– Впрочем, твоим буйным кудрям именно такой и подходит, другой в них просто потеряется.

Надев веночек, Дженни спросила Ланселота:

– Хороша ли я, сэр Ланселот Озерный?

– Ослепительна!

– Теперь я больше похожа на принцессу, чем на короля, не правда ли, сэр Ланселот?

– Скорее на пейзажку.

– А это еще кто такое?

– Пейзанка – это на куртуазном языке значит крестьянка.

– А что такое «куртуазный язык»?

– Это тот язык, на котором рыцарям приличествует разговаривать с прекрасными дамами.

– А кто не разрешает мне вспоминать о Реальности?

– Дженни, ты же не думаешь всерьез, что рыцарство существует только в Реальности? Оно и на самом деле существовало.

– Все-то ты знаешь, Ланс.

– Не все, но многое мне известно.

– Задавака. А вот знаешь ли ты, что будешь делать, когда вернешься исцеленный из Иерусалима?

– Знаю. Сделаю тебе предложение.

– Я согласна!

– Ну, Дженни, ты покладиста, как настоящая пейзажка! К чему такая спешка? Мы же говорим о будущем.

– Мы говорим о том, что ты собираешься сделать мне предложение. Могу я заранее дать свое согласие, чтобы потом не было недоразумений? Или нет?

– Можешь, конечно.

– Значит, с этого дня мы можем считаться женихом и невестой?

– Считайся, пожалуйста. Можешь даже сказать доктору Вергеланну, что мы обручились.

Но учти, я верну тебе слово, если мое исцеление не состоится.

Дженни резким движением убрала руки назад.

– Ну уж нет! Я свое слово назад не возьму, мое слово – королевское!

– Ребенок ты, а не король. И знаешь, что я тебе скажу, невеста? Пора нам собираться и увозить отсюда Патти, а то как бы он у нас не лопнул. Ты погляди, какое он себе пузо наел!

Патти и вправду стоял, свесив крепко набитое брюшко между расставленными точеными ножками, и травкой похрупывал больше из принципа, чем от голода. Он задумчиво жевал, а длинные стебли травы и цветов свисали по бокам его хитрой морды, чрезвычайно ее украшая.

– Тиран ты и деспот, сэр Ланселот. Тут так хорошо, и солнышко нет-нет да выглянет, и Патти так доволен жизнью, и я хотела еще травок лекарственных пособирать, а ты хочешь нас загнать домой...

– Скоро похолодает, и я могу простудиться.

– Ты нашел сногшибательный аргумент! Собираемся.

Дженни помогала Ланселоту забраться в коляску, явно даже не вспомнив о «правиле вытянутых рук». «Это она уже чувствует себя невестой!» – подумал он. Потом она сложила плед и корзинку с остатками еды в сетку, прикрепленную под сиденьем коляски, и они отправились по лесной тропе к берегу. Цветы она несла в руках, а Патти шел за нею и время от времени через плечо поворачивал из ее букета цветочек-другой.

Глава 8

В зале заседаний дворца Мессии шел совет, но на этот раз за столом сидели не члены мирового правительства, а маги, астрологи, пророки, колдуны, ведьмы и экстрасенсы.

Докладывал главный астролог планеты Паоло Лоба. На столе перед ним была расстелена астрологическая карта, испещренная линиями, значками и цифрами. Он заканчивал доклад:

– Можно с уверенностью сказать, мой Мессия, что звезды на вашей стороне: Марс – во втором доме, Венера – в четвертом, Меркурий – в зените. Отсюда следует, что ни вам лично, ни благоденствию Планеты ничто не угрожает. Трудности настоящего момента связаны с тем, что Фаэтон все еще находится в пятом доме, но его власть уже подходит к концу, и нас всех ждут счастливые перемены!

– Ты, Лоба, помнится, примерно то же самое говорил и в прошлом месяце. Где же предсказанные тобой перемены?

– Если Мессия позволит, я замечу, что перемены предвещаю не я, а небесные светила. Что же касается гороскопа минувшего месяца, то должен заметить, что я никогда не обращаюсь к своим прошлым астрологическим прогнозам, дабы они не влияли на меня при составлении звездных карт настоящего и будущего – только таким образом можно достичь непредвзятости. Я кончил, мой Мессия.

– И при этом надоел мне как никогда. Составь приличный прогноз для прочтения в новостях, дай планетянам надежду на лучшее будущее и уверенность в том, что звезды на моей стороне, а больше от тебя ничего и не требуется. Пошел вон, болтун!

– Благодарю за внимание, мой Мессия, – сказал великий астролог, свернул в трубку карту, поклонился и с достоинством удалился.

– Барон фон Тарсофф, единственный колдун с мозгами, ты выполнил задание, выяснил, что произошло с моим предшественником в России?

– Да, мой Мессия.

Барон фон Тарсофф сидел в кресле поодаль от стола. Это был сухой старик с морщинистым смуглым лицом и свисающими вдоль впалых щек волосами цвета антрацита. У его ног расположился огромный черный дог, и долгопалая, в старинных перстнях, темная рука колдуна лежала на крупной голове зверя.

– И что же?

– Во-первых, мой Мессия, в России у тебя был не один предшественник, а целый триумvirат – Троцкий, Ленин и Сталин, их настоящие имена – Бронштейн, Ульянов и Джугашвили. Все трое были духовно руководимы нашим Властителем, выполняли одно задание, но между собой состояли в лютой вражде и один другому не доверяли. Им удалось лишить великую державу ее скрепляющего и удерживающего стержня – самодержавия. Императорскую фамилию они истребили и предприняли самые решительные меры для искоренения православной веры и устранения всего, что мешало установлению нового порядка. Они уничтожили треть населения страны.

– Прямо как чума, – усмехнулся Мессия.

– Да, мой Мессия, они прошли по стране как чума. Но затем один из них, а именно Ленин, вдруг усомнился в своем особом предназначении и начал бояться грядущего возмездия. Тотчас дух Властителя был от него отнят, и Ленин окончил свои дни в инвалидном кресле, потеряв дар мысли и речи. Двое оставшихся вождей начали сражаться за власть, и после недолгой борьбы Троцкому пришлось бежать из страны. Оставшийся в единовластии Сталин позднее подослал к нему убийц, и Троцкий был убит ударом ледоруба по голове.

– Надежное и неожиданное орудие убийства: это должно было произвести устрашающее впечатление на конкурентов в борьбе за власть, не так ли?

– Произвело, мой Мессия. Конкурентов у Сталина после этого никогда не было – только дрожащие от страха соратники.

– Удобное окружение. Так почему же этому Сталину не удалось распространить свою власть на все человечество, если он так хорошо начал в своей стране?

– Это была не его страна, мой Мессия: Сталин был родом из горной страны на юге империи, он плохо писал по-русски и говорил с ужасным акцентом и даже не очень правильно. Именно поэтому он приказал считать себя крупным специалистом в области языкознания.

– Остроумный господин!

– Товарищ, мой Мессия. В России того времени было принято обращение «товарищ», а «господин» – это было бранное слово.

– И каков же был конец этого товарища?

– Он тоже был ужасен, мой Мессия. Сталин потерял уверенность в себе и упование на Властителя, и дух Властителя вышел из него. Сталин тут же превратился в дряхлого испуганного старичка. От страха перед убийцами он запирался по ночам в клозете и спал, скорчившись между стеной и унитазом.

– Мания преследования?

– Да. Именно страх Сталина перед тайными убийцами и спровоцировал его приспешников на убийство: когда он заболел невинной весенней простудой и слег в постель, его просто-напросто придушили подушкой.

– Известно, кто это сделал?

– Все приближенные лица скопом: главный организатор проследил за тем, чтобы на подушку по очереди навалились все участники убийства.

– И после этого попытки начать покорение мира с России больше не повторялись, – задумчиво проговорил Мессия.

– Да, мой Мессия. И менее чем через полвека Россия вернулась к своему ужасному естественному состоянию – вновь стала православной страной. Вы знаете, я сам бежал из России, и я могу вам твердо сказать, что искоренить христианскую сущность ее народа невозможно. Она как сорная трава: стоит прекратить прополку и химическую обработку на самый короткий срок, как православие вновь дает обильные всходы по всей стране. Ужасная страна, ужасный народ! Его можно уничтожить, но нельзя изменить.

– Ну что ж, не так – так этак. С Россией мне теперь все ясно. Если уж сам Властитель отступился, значит, все-таки – война. Благодарю, колдун, можешь идти. Новое задание получишь потом.

Черный барон удалился вместе со своим наводящим ужас псом, поклонившись Мессии и не удостоив даже взглядом прочих участников встречи.

– Ну что, ведьмы и ведьмаки, гадалки и прорицатели, паразитки и дармоеды? Есть у кого-нибудь из вас что сказать по существу или будете мне голову морочить? Ну что молчите? Вот ты там, под красным колпаком, ты говорил, что у тебя открылся третий глаз. Углядел ты им хоть одного моего врага?

– Нет, мой Мессия. Но я следил всеми... тремя... троима... троими...

– Ты хочешь сказать, что у меня нет врагов?

– Они есть, Мессия, но обнаружить их невозможно – они скрыты под покровом Того, Кого мы не называем.

– Вот велю ослепить тебя на все три глаза... Ну, продвинутые, двигайте отсюда! Пошла вон, эзотерическая сволочь! А ты, Памфилия, останься...

Экстрасенсы, маги, колдуньи, прорицатели и ведьмаки бросились к дверям, толпясь, отпихивая друг друга и толкаясь, чтобы выскочить за дверь прежде других. В дверях застряли, но потом кое-как разобрались.

За столом заседаний осталась лишь древняя старуха в черной мантии с капюшоном, опущенным на лицо.

Мессия подошел к распахнутой двери и ударил по ней ногой. Дверь с грохотом затворилась. Он повернулся к старухе.

– Ну, прорицательница, а от тебя я дождусь сегодня чего-нибудь путного?

– Ничего, кроме ответов на любые твои вопросы, Мессия. И отвечать тебе буду не я.

– А кто же?

– Не кто, а что – зеркало пророчицы Шалот. Точнее, осколок ее волшебного зеркала, ведь оно было разбито еще в древности.

Прорицательница достала из-под мантии резную шкатулку из темного дерева, поставила ее на стол и откинула крышку. Из шкатулки она извлекла некий предмет, завернутый в красный бархат, развернула его и показала Мессии небольшое зеркало в виде ромба, оправленное в раму из резной слоновой кости.

– Любопытно. Мы можем приступить?

– Еще нет. Мне нужна большая карта мира.

– Вон она висит на стене.

– Нужно расстелить ее на столе.

– Сейчас прикажу.

– Нет, Мессия! – Старуха предостерегающе подняла сухую руку, похожую на птичью лапу. – Зеркало уже открыто, и никто не должен входить сюда, иначе оно начнет настраиваться на постороннее лицо. Только мы с тобой можем находиться с ним рядом, поскольку я – не в счет: я уже давно не задаю вопросов даже мысленно. Ты сам сними карту со стены и расстели на столе.

– Памфилия! Ты в самом деле хочешь, чтобы я тебе прислуживал? Ты не забываешься, старушка?

– Прикажешь меня казнить после сеанса, только и всего, – пожалла острыми плечами Памфилия. – Если будешь недоволен его результатами.

– Ну смотри у меня...

Мессия сорвал со стены большую карту мира и расстелил ее на столе. Памфилия разглядела карту, а затем взяла зеркало в обе руки, пристально уставилась в него и начала шептать сухими губами заклинания. Мессия смотрел на нее, чуть иронически улыбаясь одной стороной рта, но смотрел с интересом.

– Готово. Теперь подойди ко мне, встань рядом и задай зеркалу вопрос, на который хочешь получить ответ.

– Я хочу знать, много ли у меня врагов?

– Для ответа на этот вопрос не требуется ни зеркала, ни пророческого дара. На него я тебе и так отвечу – у тебя очень много врагов, Мессия. Задай более конкретный вопрос.

– Кто желает моей гибели?

– Это уже лучше. Повтори вопрос, глядя прямо в зеркало.

– Что за оптические фокусы, Памфилия? Эти лица в зеркале так и мелькают, ни одного невозможно разглядеть!

– Это ответ на твой вопрос, Мессия. Все эти люди, которых показывает зеркало, хотят твоей смерти.

– Кто из этих людей способен меня убить? Что за чушь – опять сплошной поток лиц!

– Зеркало правдиво отвечает, что при известном стечении обстоятельств все эти люди способны тебя убить, поскольку ты, мой Мессия, все-таки смертный человек.

– Пока – смертный. Дурацкое гаданье! Твое зеркало будто играет со мной в загадки-отгадки.

– Что поделаешь, Мессия, это старая школа волшебства. Попробуй сузить и уточнить свой вопрос.

– Пусть зеркало покажет мне человека, который сможет меня убить.

Поверхность зеркала осталась чистой, в ней отразился только белый потолок зала заседаний.

– Ну вот тебе и ответ, Мессия: никто из людей тебя убить не сможет. Ответ даже лучше, чем тот, который когда-то получил Макбет; ему ведьмы сказали, что его не сможет убить рожденный женщиной, а убит он был тем, кого вынули из рассеченного чрева матери.

– А ну-ка, зеркальце колдуньи Шалот, покажи мне лицо того, кого я буду видеть в миг моего ухода из этой земной жизни! Держись, старушка! Сейчас мы наверняка увидим лицо моего Властителя, а для тебя это зрелище трудно выносимое, хоть ты у нас и продвинутая.

Но Мессия ошибся, зеркало не показало им страшный лик Сатаны. Вместо этого поверхность его затуманилась, а затем пошла волнами золотистой зелени. Нежный зеленый туман этот приблизился и превратился в зеленеющие первой листвой верхушки леса; по лесу вилась тропинка, а по тропинке двигались трое – безногий инвалид в коляске, статная рыжеволосая девушка с венком на голове и маленький серый ослик. Девушка и инвалид беззвучно о чем-то беседовали и смеялись. Потом осталось только радостное лицо белокурого инвалида.

– Это лицо я увижу в миг моей смерти? – изумился Мессия.

– Зеркало Шалот лгать не умеет.

– Оно ошибается, и мы его поправим, немножко подкорректируем будущее. Где находится этот веселый инвалид? Может зеркало сообщить нам его местопребывание?

– На этот вопрос зеркало Шалот ответит с помощью карты.

Памфилия осторожно повернула зеркало отражательной поверхностью вниз и подняла его над картой. Тотчас из зеркала упал на карту солнечный зайчик и накрыл собой половину Скандинавии.

– А точнее нельзя? – нетерпеливо спросил Мессия.

– Можно и точнее. Помоги мне влезть на стул, Мессия.

На этот раз Мессия не стал спорить и поддержал прорицательницу под локоток, пока она медленно, осторожно, чтобы не уронить зеркало, влезла на стул, а потом шагнула с него на стол и ступила прямо на карту, подняв зеркало высоко над головой. Пятнышко света стало величиной со старинную серебряную монету и, скользя по карте, остановилось на западном берегу Скандинавского полуострова.

– Так, – сказал Мессия, – это уже немного яснее – Тронхеймс-фьорд. Сомневаюсь, что безногий урод в сопровождении девчонки и осла может представлять для меня серьезную опасность, но сегодня же он будет схвачен и доставлен сюда, а уж допросить его я сумею.

Прорицательница стала спускаться со стола, и Мессия снова помог ей.

– Хочешь задать еще вопрос, мой Мессия?

– Да. Есть ли на земле сила, способная мне противостоять?

Зеркало вдруг стало похоже на слиток золота, и в этом золоте Мессия и Памфилия увидели отражение множества церквей, храмов, часовен, из которых выходили вереницы монахов и монахинь в белых и черных одеждах, священнослужители и тысячи мирских людей. Они несли в руках горящие свечи, бросавшие теплый отсвет на их радостные лица, и пели на разных языках, в том числе и на планетном. Вдруг они запели особенно громко и торжественно: «Христос воскрес из мертвых...», и в тот же миг зеркальный ромб задрожал в руках Памфилии, в нем вспыхнула и разбежалась лучами ослепительная осьмиконечная звезда, затем лучи превратились в трещины, – и зеркало распалось на мелкие осколки, которые тут же высыпались из рамки. Памфилия страшно закричала. По ее обожженным звездой и пораненным осколками рукам потекли струи темной лиловой крови. Она застонала и, не обращая внимания на кровь, опустилась на колени, сокрушенно перебирая зеркальные осколки.

– О Мессия! У меня не осталось ни одного крупного осколка!

– Крепче надо было держать! Теперь уходи и не возвращайся без нового зеркала.

– Их в мире больше не осталось...

– Захочешь мне услужить – найдешь!

Памфилия, всхлиывая, вышла за дверь. Мессия рухнул в кресло и долго сидел без движения, с остановившимся взглядом, совершенно погрузившись в себя. Затем он вдруг поднял голову, обхватил ее руками с уже начавшими отрастать когтями и завыл. Выл он долго,

на одной ноте, не переводя дыхания. Охранники, стоявшие за дверью и слышавшие этот вой, закрывали глаза и цепенели от страха.

Глава 9

Доктор Вергеланн прибыл на остров, чтобы еще разок осмотреть пациента.

– Что нового в Тронхейме, доктор? – спросил Ланселот.

– Нового много, а хорошего мало. Что-то неладное творится у нас в медицине. Местные власти постепенно превращают нас, медиков, в палачей. В то время как Мессия милосердно спасает безнадежных больных и возвращает здоровье инвалидам, нам приказано рекомендовать эвтаназию людям, подхватившим насморк. А на той неделе произошло нечто совсем несуразное. Вдруг явились на вертолетах экологи и собрали в Центр всех безногих инвалидов Тронхейма. Двух молодых человек отправили в Иерусалим – сказали, что на исцеление, а остальных, в том числе десятилетнего мальчика, приказали подвергнуть принудительной эвтаназии. Когда-то само понятие «эвтаназия» означало добровольную смерть во избежание лишних мучений, а сегодня... Кто бы мог подумать, что гуманнейшее право уйти из жизни по собственному желанию люди превратят в орудие убийства!

– Я слышал от моих родителей, что очень многие это предвидели и протестовали против принятия закона об эвтаназии, – сказал Ланселот.

– А вы исполнили приказ экологов, доктор? – спросила Дженни.

– Разумеется, нет! Эти олухи настолько самоуверенны, что никогда не проверяют выполнения своих приказов: как только они убрались, я тут же как главный врач Центра отправил всех инвалидов по домам и посоветовал им собирать деньги на исцеление от Мессии. А как вы, Ланс?

– Думаю отправиться, как только вы разрешите, доктор. Но это будет не полет, а плавание на катамаране.

– На катамаране – до Иерусалима? Невероятно!

– Почему?

– Это же долгий и опасный путь!

– Я пойду вдоль берега внутреннего Европейского моря. Там не бывает таких штормов, как в Атлантике.

– Да, но зато там полно водяных мутантов, а многие участки Европейского моря сплошь заросли «водяной чумой» и через них невозможно пройти.

– В Норвежском море тоже появились мутанты, – заметил Ланселот.

– Но они еще не научились охотиться на людей, как чудовища во внутренних морях.

– Вы думаете? Но в любом случае спасибо за предупреждение. Может быть, и вправду лучше идти вокруг Европы.

– А почему вы не хотите лететь пассажирским вертолетом, Ланс?

– Денег нет, – коротко ответил тот.

– Нет денег... Знаете, Ланс, – сказал доктор, – этой беде можно помочь. У меня еще с прошлого года заказан и оплачен билет до Иерусалима и обратно: я собирался во время отпуска слетать в Иерусалим, добиться аудиенции у Мессии и рассказать ему о безобразиях в местной системе здравоохранения. Однако меня предупредили, что встретиться с Мессом частному лицу почти невозможно. Но вот вы-то, Ланс, определенно с ним встретитесь – на исцелении. Вы и передадите Мессу все материалы, которые я собрал. Мы поступим так: я передам вам свой авиабилет, а сам напишу докладную записку, которую вы передадите самому Мессу или врачам, которые всегда присутствуют на исцелениях: уж они-то настоящие медики! Этим мы ускорим оба наших дела. Билет действителен на любую дату, которая вас устроит – можете лететь хоть завтра.

– Спасибо, доктор! – сказал Ланселот. – Я с легким сердцем беру ваш билет: если я вернусь здоровым, а иначе и быть не может, я очень скоро заработаю деньги и верну вам долг.

– Не сомневаюсь, Ланс. Если вы смогли содержать себя, будучи инвалидом, то, поднявшись на ноги, вы станете лучшим рыбаком в нашем фьорде.

– Ты не очень огорчена, Дженни, что тебе не придется плыть со мной в Иерусалим?

– Ну что ты, Ланс! Подумать только, ты можешь вылететь завтра или послезавтра, и может быть, через неделю ты уже будешь ходить!

– А ты будешь ждать меня на моем острове, как Сольвейг.

Вот как чудесно все разрешилось, и теперь Лансу не придется объяснять Дженни, что он и не думал брать ее в дальнейшее плавание.

– Доктор, вы присмотрите за моей невестой в мое отсутствие?

– Разумеется! Дженни, вы можете на это время перебраться ко мне в Тронхейм: у меня большая квартира при Медицинском центре, места нам хватит.

– Я не могу покинуть остров, доктор, у меня же тут Патти. И мой жених велит мне сидеть тут и ждать его, как... как кто я буду ждать тебя, Ланс?

– Как Сольвейг. Стыдно невесте норвежца не знать Ибсена!

– Она еще успеет узнать, она так молода! – вступился доктор за девушку. – Сколько вам, Дженни? Года двадцать два – двадцать три, я думаю?

– Вы не глядите на фигуру, доктор, вы на ее лицо внимательно посмотрите – она же совсем девчонка, ей всего семнадцать.

– Семнадцать?! Девочка, что же будет с вами в двадцать пять? Ну, Ланс, вам несказанно повезло – в наши-то времена отыскать такую девушку! Умная, решительная, красивая. А уж заботливая – просто как девушки прошлых веков. Ну ничего в вас нет от планетянки, Дженни!

– Доктор, это комплимент или порицание?

– Это диагноз. Вы, Дженни, абсолютно здоровая душой и телом девушка. И где это, Ланс, вы нашли такое сокровище?

– За круглым столом короля Артура.

– Ой, Ланс, не надо! Я не переживу, если доктор начнет надо мной смеяться!

– Простите, доктор, но здесь начинаются наши маленькие семейные тайны – видите, как она смутилась!

– Уважаю и не настаиваю. Итак, друзья мои, поскольку мы все решили и обо всем договорились, я хочу немедленно переоформить мой билет на ваше имя, Ланс. Давайте ваш код!

Ланселот продиктовал доктору свой персональный код, и доктор тут же связался с планетной авиакомпанией. На маленьком экране его карманного персоника возникла надпись:

АВИАБИЛЕТ НА ИМЯ ДОКТОРА О. ВЕРГЕЛАННА АРЕСТОВАН В СВЯЗИ С АРЕСТОМ ВЛАДЕЛЬЦА.

– Что это значит? – растерялся доктор Вергеланн и тут же начал набирать новый код.

– Пойдите, доктор! Что вы хотите теперь делать? – спросил Ланселот, хватая его за руку.

– Как что? Хочу позвонить в авиакомпанию и узнать, что это за чепуха?

– А если это правда?

– Как это может быть правдой – я же не арестован!

– Вы сами говорили, что экологическая служба плохо работает. Наверняка было два приказа – о вашем аресте и об аресте вашего билета, чтобы вы не ударились в бег, и второй приказ опередил первый. Это и неудивительно, поскольку вас нет сейчас дома. Кто-нибудь знает, куда вы отправились?

– Нет, я ведь живу один. Но, помилуйте, за что меня арестовывать?

– Как это за что? Вы нарушили приказ экологов и вместо того, чтобы уничтожить инвалидов, отправили их по домам.

– Я должен узнать, что происходит в нашем Медицинском центре!

– Разрешите, доктор, я сделаю вызов от своего имени.

Ланселот набрал код Медицинского центра, и в ответ пришло сообщение:

МЕДИЦИНСКИЙ ЦЕНТР ВРЕМЕННО НЕ РАБОТАЕТ. ОБРАТИТЕСЬ В МЕДИЦИНСКИЙ ЦЕНТР ОСЛО.

Вергеланн побледнел и стал дрожащими руками набирать новый код, но Ланселот снова его остановил.

– А теперь кого вы хотите вызывать, доктор?

– Кого-нибудь из моих коллег. Я должен узнать, что с ними!

– А если они все уже арестованы? Выйдя на связь, вы им ничем не поможете, а себя обнаружите. Посидите спокойно, ничего не предпринимая, я сейчас вернусь. Дженни, не давай доктору ни с кем связываться!

Ланселот покатил в свою мастерскую, оставив Дженни с Вергеланном. Через несколько минут он вернулся с железной коробкой в руках. Он покопался в ней и извлек небольшой квадратик серого металла.

– Дайте вашу правую руку, доктор!

– Что вы задумали, Ланс? Что это?

– Это свинец. Я хочу заблокировать ваш персональный код. Этому фокусу меня научил один рыбак, когда мы с ним ходили промышлять креветок в запретную военную зону. Наверняка вас уже ищут через полицейский Надзор и удивительно, что до сих пор не обнаружили.

– Но я вовсе не желаю прятаться от Надзора, ведь я ни в чем не виновен. Я законопослушный гражданин Планеты и не сделал ничего плохого.

– Я в этом совершенно уверен, доктор. Но сейчас давайте вашу руку – дорога каждая секунда. Надзор вас разыщет в один миг, как только местные экологисты осмелятся сообщить начальству, что они вас упустили.

Ланселот наложил на большой палец правой руки Вергеланна тонкую свинцовую пластинку, обернул ее вокруг последней фаланги и затем обмотал тонкой медной проволокой, а сверху сделал обычную повязку из бинта.

Доктор Вергеланн покрутил большим пальцем.

– Какое странное ощущение...

– Я знаю это чувство, – улыбнулся Ланселот. – Как будто вышли из-под колпака, да?

– Что-то вроде этого.

– Да, конечно, как ни чтим мы нашего отца Мессию, но удрать на время из-под Надзора – запретное и приятное приключение. Наверное, так чувствует себя мальчишка, сбежавший с уроков.

– А вы что, Ланс, никогда с уроков не сбегали?

– Я никогда не учился в школе. Но будьте готовы и к неприятным ощущениям, доктор: в море эта маленькая хитрость со свинцом вызывает чувство изоляции от мира и потерянности.

– Надо же... Признаться, мне никогда не нравился тотальный контроль над гражданами Планеты, но я не предполагал, что это так ощутимо, – проговорил доктор, поглаживая правую руку с повязкой на большом пальце. – Ну и что я теперь, по-вашему, должен делать дальше, мой предприимчивый и решительный друг?

– Я бы предложил такой план. Скажите нам, где вы держите ваш отчет, приготовленный для Мессии, и дайте ключи от дома. Мы с Дженни сходим на «Мерлине» в Тронхейм, поглядим, что там и как, и, если получится, заберем ваши бумаги.

– Не стоит рисковать. Я держу в голове все факты, собранные мной для доклада Мессии.

– А, ну тогда все еще проще. Раз мы оба не можем лететь в Иерусалим по воздуху, отправимся оба по воде. Согласны, доктор?

– Конечно, согласен! Сколько можно терпеть произвол местных экологистов и их подпевал из городского совета! Дорогой я напишу доклад о положении в скандинавской медицине, вы передадите его Мессии, и Месс наведет в Скандинавии порядок. Тогда я вернусь в Тронхейм уже вертолетом и снова начну по-настоящему лечить людей.

– Вот мы все и решили, – сказал Ланселот, – а поскольку я теперь выхожу в море в сопровождении личного врача, наш выход можно ускорить. И ты, Дженни, тоже поплывешь с нами. Одна ты здесь не останешься. Экологисты могут пронюхать, что доктор посещал этот остров, и заявиться сюда.

– Ура-а! – закричала Дженни. – Пират, веселей разворачивай парус! Йо-хо-хо, веселись, как черт!

– Приготовь-ка ты лучше нам с доктором что-нибудь основательное на ужин, пиратка. И учти, что в нашем дальнем плаванье именно тебе придется заниматься камбузом.

– Вот и прекрасно! Я еще и стирать умею, и штопать, и вязать на спицах...

– И вышивать.

– И вышивать... А вышивание-то тут при чем?

– Совершенно ни при чем, как и вязанье на спицах.

– Обязательно возьму с собой незаконченный свитер и довяжу его тебе к исцелению! Я пошла готовить ужин.

– Вот и иди. Обрадовалась...

– Боитесь брать ее с собой? – спросил доктор, когда Дженни вышла из комнаты.

– Конечно, боюсь. Но оставлять ее здесь боюсь еще больше. Вы не представляете, доктор, насколько она несовременна и незащищена!

– Да, она несовременна, но насчет незащищенности – это вы, Ланс, погорячились. Когда она пришла ко мне и заявила, что прилетела к больному жениху, и потребовала, чтобы я немедленно отправился с ней на ваш остров, я просто обомлел.

– Она так и сказала – «к жениху»? – удивился Ланселот.

– Так и сказала. Храбрая и решительная девочка. Да и физически она гораздо крепче, чем большинство планетянок: я не наблюдаю в ней ни малейших признаков астении. И где это вырос такой цветок?

– Цветочек чертополоха, – усмехнулся Ланселот. – Дженни шотландка и родилась на острове Иона.

– Это что – Гебриды?

– Да. Кстати, доктор, у меня есть карта Европы, давайте-ка мы с вами подумаем над маршрутом.

Когда через час Дженни появилась из кухни с большим горшком ароматной ухи, Ланселот и доктор сосредоточенно намечали карандашом путь на карте, расстеленной на столе.

– Убирайте со стола вашу карту, пилигримы, ужинать будем, – скомандовала Дженни.

– М-м-м, что за уха! – воскликнул доктор, попробовав варево Дженни. – Дженни, волшебница, откуда у вас картофель, петрушка и вообще все эти приправы?

– Вы забыли вкус настоящей картошки, доктор, – засмеялась Дженни, – это всего лишь корни лопуха! А петрушка, любисток и сельдерей – с грядки. У Ланса есть настоящий огород, только очень маленький. Но он утверждает, что у него были и картофель, и лук, и чеснок.

– Были! Только я все это за зиму съел.

– Но в этой ухе абсолютно точно присутствуют и чеснок, и лук! Их божественный вкус и запах ни с чем не спутаешь, – сказал доктор.

– Доктор, это медвежий лук! Я нашла его, когда мы ездили на соседний остров за сеном для Патти.

– И у вас много этого замечательного лука?

– Нет, всего один пучок.

– В нем полно фитонцидов. Непременно прихватите его в дорогу и кормите им Ланса.

– Хорошо, так и сделаю. Я ужасно рада, доктор, что вы плывете с нами!

– А я благодарен вам, Дженни, что вы именно ко мне обратились тогда в Тронхейме и я смог вылечить Ларса. И как это вы нашли меня?

– Адрес дал чиновник в Центре питания, у которого вы лечили жену, а дорогу к вашему дому показал рыбак, которому вы вместо эвтаназии спасли руку.

– А, Йенсен! Помню, как же... Представьте, является в Медицинский центр рыбак, которому прошило руку лопнувшим тросом, а врач, к которому он обратился за помощью, вместо того, чтобы просто зашить рану, предлагает ему эвтаназироваться «по медицинским показаниям». Абсурд! Конечно, я принялся его лечить. Ну а когда же мы сможем выйти в море?

– Вы опасаетесь ареста, доктор? – спросил Ланселот.

– Нет, об этом я теперь не думаю, ведь я уже в бегах. Просто не терпится выйти в плаванье.

– Мы сможем выйти уже завтра на рассвете, если эту ночь целиком посвятим сборам в дорогу.

– А спать ты когда собираешься? – возмутилась Дженни. – Доктор, скажите ему, что он должен выспаться перед дорогой!

– Ну вот что, дорогие мои, – сказал Ланселот, – давайте сразу договоримся. Поскольку я капитан судна, то и командовать всем, что касается нашего плаванья, буду я.

– Но здоровье команды будет под моим надзором, поскольку я судовой врач.

– А я, бедная, и матрос, и кок, и стюард... В общем, вся судовая команда и все мною командуют! – воскликнула Дженни.

– Судно, на котором есть капитан, врач и такая команда, просто обречено на счастливое плаванье! – сказал доктор Вергеланн.

– Вы забыли про пассажира, доктор! У нас на судне будет и пассажир – мой ослик Патти. Правда, Ланс?

– Гм. Я думал, мы его отвезем крестьянам на соседний остров и там оставим на время.

– Ланселот! Патти не выючная скотинка, а мой друг: я не могу оставить своего друга в чужом хлеву. Ты знаешь, однажды я поехала с матерью в гости к нашим соседям на несколько дней. Патти пришлось оставить дома, мама не хотела его брать ни в какую: это не принято, и все тут! Знаешь, что было?

– Что?

– Он лег у ворот и не вставал и не съел ни соломинки до тех пор, пока я не вернулась, только воду пил. Ну как его можно оставить?

– Решено, мы берем Патти в качестве пассажира.

– У тебя в сарае есть коса, Ланс, – сказала обрадованная Дженни. – Давай прихватим и ее. Мы ведь сможем иногда сходить на берег, чтобы накосить травы для Патти? Ты, конечно, умеешь косить?

– Дженни, ты меня идеализируешь! Я многое могу делать руками без помощи ног, но вот косить...

– Косить умею я, – сказал доктор.

– Ну вот, я же знала, что все уладится! А меня научите косить, доктор?

– Охотно, Дженни.

– Я думаю, мы будем каждый вечер для ночлега приставать к берегу, так что Патти сможет пастись самостоятельно, – сказал Ланселот. – А косу возьмем, будете делать для него запас травы на время плаванья. Итак, нас будет трое в лодке, не считая осла.

– «Трое в лодке, не считая собаки», – задумчиво проговорил доктор Вергеланн. – Вы читаете книги, Ларс Кристенсен?

– Да. И Дженни тоже.

– Теперь понятно, отчего вы мне оба понравились с первого взгляда! Вы не из тех молодых болванов, которые годами торчат в Реальности, не интересуясь ни жизнью, ни книгами.

Дженни и Ланселот переглянулись. Дженни чуточку смутилась, а Ланселот ухмыльнулся.

– Вот тут вы не угадали, – сказал он, – мы с Дженни тоже выходили в Реальность и очень это любили. У нас была своя собственная Реальность. Дженни, как ты считаешь, мы можем теперь открыть доктору нашу тайну?

– Ладно уж, открывай!

– Наша Реальность называлась «Старый замок короля Артура». И знаете, кто был королем Артуром? Дженни, не смущайся!

– Неужели Дженни?

– Вот именно, доктор! И еще каким королем! Разве вы не заметили, что я по сей день исполняю при ней роль преданного и послушного рыцаря?

Дженни фыркнула.

– В таком случае вы, Ланс, не кто иной, как сэр Ланселот Озерный. Я угадал?

– Угадали, доктор! А теперь давайте перейдем от Реальности к реальным проблемам. Я поехал к «Мерлину». Дженни, ты собирай одежду, спальные мешки и продукты. Доктор, вы осмотрите нашу аптечку, отберите лекарства в дорогу, а потом приходите мне помогать на

катамаран. Если удастся до утра подготовиться к плаванию, я еще успею немного поспать этой ночью. Завтра я выведу катамаран из залива, а потом поставлю к штурвалу Дженни и досплю остальное. Прогноз на завтра передали хороший, так что ты, Дженни, справишься, когда мы пойдем по открытой воде.

– Сэр Ланселот, у вас в команде не только Дженни, – сказал доктор, поднимаясь из-за стола и поводя широкими плечами. – Я, между прочим, как и вы, норвежец и с детства выхожу в море – на лодке, на катере и под парусом. Кстати, а парус у вас есть?

– Есть старый парус в сарае, но после смерти отца я его ни разу не ставил, мне это оказалось не под силу. Но это было бы неплохо – с попутным ветром идти под парусом, так можно экономить батарейки. У нас их очень мало.

– Мой катерок оставим здесь или возьмем на буксир?

– Лучше оставить.

– Я это к тому, что в таком случае надо взять из него батарейки. У меня их две – одна в гнезде и вторая запасная.

– Отлично, доктор! Нам ведь нужна еще батарейка для дорожного персоника, иначе мы окажемся оторванными от мира и не сможем видеть планетные новости. А теперь идемте в сарай, поглядим, что там с парусом.

В углу сарая оказался не один, а два паруса, правда, второй был основательно порван.

– Что вы скажете, доктор, о том, чтобы устроить для Дженни приятный сюрприз? С помощью нескольких бамбуковых удилищ и этого старого паруса мы могли бы соорудить на корме что-то вроде сарайчика или будки для нашего пассажира: Патти в ней будет укрыт от ветра, зноя и дождя, и там же мы сможем хранить для него сено.

– Я думаю, эта идея стоит того, чтобы выйти в плавание на час позже. Я готов взять сооружение будки на себя.

– Спасибо, доктор!

– Не благодарите, а лучше исполните мою маленькую просьбу.

– Буду рад.

– Я бы хотел захватить в плавание пару книг вашего Писателя: я очень давно не брал в руки настоящих книг, отпечатанных на бумаге.

– Хорошая идея, доктор!

Всю ночь пилигримы провозились со сборами. Ланселоту так и не удалось прилечь, хотя доктор и Дженни пытались отправить его в постель. Зато к рассвету мачта с парусом была установлена, все необходимые вещи и продукты погружены и даже Патти заведен на катамаран и привязан в брезентовой будке на корме. Последнее, что Ланселот вынес из дома, были распятие и Библия.

– А это ты зачем берешь с собой? – удивилась Дженни.

– Я обещал матушке никогда не убирать из дома распятие и Библию. Приходится держать слово, ведь теперь нашим домом на долгое время будет катамаран «Мерлин». Подержи их, пока я запру замок!

– Давай лучше я запру дом, я боюсь прикасаться к Библии.

– А ты бери ее левой рукой, и ничего с тобой не случится: к Библии нельзя прикасаться только рукой с кодом. На, держи!

Ланселот запер дверь дома, положил ключ под порог, и они отправились к «Мерлину». Через полчаса отчалили, паломничество началось.

Из фьорда, по которому Ланселот мог бы пройти даже безлунной ночью, катамаран вывел он сам, но когда вышли в Норвежское море, был развернут и поднят парус, и за штурвал встала Дженни, а доктор Вергеланн следил за парусом. Ланселота отправили спать в каюту.

Море было спокойно, ветер дул северный, попутный. Доктор умело управлялся с парусом.

К вечеру они выбрали безлюдную бухточку для ночлега и пристали к берегу. Развели костер, и Дженни принялась готовить ужин, а Патти отправился пастись на ближайшую лужайку. После ужина вернулись ночевать на катамаран.

Первая ночь паломников прошла спокойно.

Глава 10

Мессия принимал гостей. В гостиных, ресторанах и в саду на верхнем этаже Вавилонской башни прогуливались, сидели и стояли члены Семьи первого круга. По правилу, установленному Мессом для своих вечеринок, гостям запрещалось на них говорить о политике и о чем-либо грустном или серьезном. Играла музыка, благоухали экзотические цветы в огромных вазах, официанты разносили подносы с крепкими напитками и шампанским, натуральными соками, фруктами и легкими изысканными закусками. Гости танцевали и вели непринужденные разговоры, флиртовали и сплетничали.

Мессия сам нарушил установленное им правило, отведя к огромному панорамному окну Папу Апостасия Первого, главу Мировой Церкви.

– Скажи, святейшество, какой символикой вы пользуетесь при ваших богослужениях? Я догадываюсь, что не крестами.

– Упаси Созидательная Сила! Кресты – скажешь тоже... Еще в прошлом тысячелетии экуменисты требовали удалить христианскую символику из общественных учреждений. Например, в Баварии кресты были удалены из школ и гимназий, а на германских каретах «Скорой помощи» вместо красных крестов изображали синие снежинки. Все это делалось будто бы для того, чтобы не оскорблять магометан, иудеев, буддистов, сатанистов, кришнаитов и членов других нехристианских конфессий.

– А на самом деле – для чего?

– Не для чего, а для кого – для тебя, Мессия. Мы все тебя ждали и дорогу тебе от крестов очищали.

– А какими символами пользуется теперь Мировая Церковь?

– Мы используем три шестерки – символ Мессии, пятиугольники – символ Планеты, звезды вершиной вверх – символ могущества освобожденного человека, а также звезды вершиной вниз как символ Созидательной Силы Природы.

– Еще вопрос, Апостасий. Известны тебе какие-нибудь тайные секты, практикующие сегодня?

– Собственно говоря, мой Мессия, сект уже давно нет, кроме одной. Это вполне безобидная Церковь Эволюции, в нее в основном входят школьники. Ее членов еще зовут дарвинистами.

– Они что, в самом деле имеют какое-то отношение к Дарвину?

– Самое непосредственное: они до сих пор верят в теорию эволюции и убеждены, что человек произошел от обезьяны.

– Забавно. Ты никогда не задумывался, Апостасий, почему некоторые люди так упорно держатся за эту научную теорию, несмотря на то, что наука от нее давно отказалась?

– Отвечу вопросом на вопрос, мой Мессия: а тебе в твои молодые годы разве никогда не хотелось побыть шаловливой и безответственной обезьянкой? Шалить, блудить, драться за лакомства и никогда не стыдиться своих поступков?

– Я именно так и делал и ничуть не стыдился.

– А чего же стыдиться? Коли у нас с обезьянами общие предки, то все это совершенно в природе человека, не так ли? А потому мораль, культура, совесть, правопорядок – это все поверхностно, временно и держится лишь до тех пор, пока в них есть нужда. Осознать, что глубоко в нашей природе прячется блудливая, эгоцентричная и агрессивная обезьяна, – это так освобождает! А вот бедные христиане, например, верят, что они созданы по образу и подобию Божию, и им, беднягам, приходится стараться этому соответствовать. Представляешь, какую бессмысленную ответственность они на себя принимают?

– И они соответствовали своей странной идее, как ты думаешь, святейшество?

– Иногда – да, чаще – нет, но ведь дело-то совсем не в этом, мой дорогой Мессия.

– А в чем же?

– А в том, что в глубине души каждый самый плохонький христианин верит, что пускай сам-то он не святой, но святость, то есть соответствие образу и подобию Божию, меж людьми существовать должна и существует.

– Ты, Апостасий, говоришь о христианах в настоящем времени. Ты имеешь в виду Россию?

– Не только.

– На Планете тоже есть христиане?

– Да, мой Мессия.

– Где?

– В потаенных местах.

– Но ты же сказал, что на Планете не осталось сект, кроме дарвинистов!

– Увы, Мессия, христианство не секта, христианство – Церковь.

Папа Апостасий задумался, глядя в окно на зависшее внизу розовое облако. Потом он обернулся к Мессии.

– Но ты начал эту беседу вовсе не для того, чтобы выяснить положение с сектами, я прав?

– Совершенно верно. Мои продвинутые эзотерики недавно показали мне людей, молящихся с крестами и свечами в руках.

– Кресты не были перевернуты верхушками вниз?

– Нет.

– А какого цвета были свечи?

– Гм. По-моему, у некоторых свечи были желтые, а у других – красные. Я видел целые процессии христиан с большими иконами и крестами. А что, это имеет значение?

– Несомненно. Мы при богослужениях пользуемся черными свечами, дарвинисты – зелеными. А вот иконы и кресты – это признак того, что ты видел самых упорных из христиан – православных. У них эти процессии так и называются – «крестный ход».

– Я считал, что на Планете остались только жалкие христиане-одиночки.

– Увы, мой Мессия, это совсем не так. Например, в бывшей Греции добрая треть жителей по-прежнему тайно придерживается православия. Этого следовало ожидать, учитывая древность греческой православной Церкви. Удивительно то, что в каждой бывшей европейской стране есть свои тайные православные общины.

– Православные? Не католические и не протестантские?

– Вот именно.

– Мне ничего об этом не известно.

– Я бы тоже не знал, если бы не мой прошлый экуменический опыт. Мне, как бывшему главе европейского экуменического движения, пришлось взять на учет все религиозные конфессии, существовавшие тогда в Европе. Так вот, мой Мессия, когда почти все они присоединились к Мировой Церкви, в списке присоединившихся не оказалось православных объединений! Отдельные православные христиане и даже священнослужители признали ЕМЦ и вошли в нее, но не общины, не говоря уже о поместных церквях. Более того, значительная часть протестантов и католиков именно в тот момент присоединилась к Православию. «Возвращение домой» – так они это называли.

– Как жаль, что это случилось до моего вступления во власть: я бы придумал, что с ними делать.

– Да, жаль, ты прав. А теперь они все ушли в катакомбы, и уничтожить их мы не в силах. Будучи итальянцем по крови, я особенно огорчен тем, что тысячи католиков-итальянцев тоже перешли в тот момент к православным. И увел их из лона Католической церкви сам тогдашний глава католиков, Папа Римский, мой предшественник!

– Вот как? А сообщили, что он умер, и только поэтому Папой Римским, а затем Папой Мировой Церкви избран ты. Выходит, обманули?

– Нет, не обманули. Я предал его анафеме, как только он отказался признать приоритет Единой Мировой Церкви. Это значило, что для нашей церкви он духовно умер, так что сообщение о его смерти не было лживым.

– Ну а на самом-то деле что с ним случилось? Отравили небось старичка, мракобесы вы такие?

– Ватиканские врачи готовы были предложить ему эвтаназию в связи с обострением ревматизма, но не успели. И сам он, и все православные итальянцы ушли в катакомбы. Таким образом история римского христианства завершила свой круг: в катакомбах она начиналась, в них она и закончилась.

– Ты уверен, что закончилась?

– Если в затопленных римских катакомбах кто-то сегодня и обитает, мой Мессия, то разве что чудовища-мутанты.

– Ну вот и отлично. Да, кстати, о чудовищах! Наши реалисты подготовили какое-то необыкновенное шоу с монстрами из Реальности. Пойдем, Апостасий, посмотрим, что они там насочиняли.

Мессия подал знак стоявшему неподалеку секретарю, после чего всех гостей пригласили спуститься на балкон одного из нижних ярусов Башни. Под балконом шла терраса, лентой обвивавшая всю Башню от подножия до верхних этажей, по ней шла двухполосная дорога. Обычно по ней сновали в обе стороны грузовые и пассажирские мобили, но сейчас она была пуста: по распоряжению Мессии движение на дороге перекрыли на время шоу.

Гости высыпали на балкон. Дамы делали вид, что им холодно на легком, дующем с океана ветерке, и кокетливо кутались в дорогие меха. Мужчины по большей части «согревались» крепкими напитками.

К краю парапета, окружавшего террасу, вышел ненатурально красивый молодой человек с белозубой улыбкой; в одной руке он держал микрофон, а в другой небольшой аппарат со множеством кнопок, в его черных кудрях был хорошо виден красный обруч реалиста. Гости подошли к ограждению балкона и приготовились смотреть и слушать.

– Дорогой Мессия! Дорогие дамы и господа, гости нашего Мессии, – начал молодой человек, глядя вверх, на публику, заполнившую балкон, – я хочу представить вашему вниманию устрашающих водяных чудовищ, созданных лучшими реалистами Планеты. Как известно, в

Реальности мы обычно имеем дело с фантомами, то есть придуманными чудовищами. Они забавны, они ужасны и доставляют много радости тем, кто общается с ними в Реальности. Но гораздо больший интерес представляют собой так называемые «персоны» – персонажи сказок, легенд, фэнтэзи. Они созданы реалистами самого высокого класса на основе уже существующих изображений и описаний, но их облик и поведение от реалистов не зависят. Персоны подчиняются только своему характеру, иногда весьма и весьма прихотливому. И вот мы сделали следующий шаг: из Реальности мы перенесли некоторых особо интересных чудовищ-персон прямо в жизнь, и сейчас мы их вам продемонстрируем. Итак, прошу внимания, дорогой Мессия, дамы и господа, мы начинаем наше Чудовищное Шоу!

Реалист поиграл кнопками, и гости Мессии увидели, как из синей воды поднялась гигантская змеиная шея с маленькой головкой наверху. Ниже шеи в волнах можно было разглядеть темно-коричневую спину с тремя горбами. Чудовище поводило головой, с туповатым любопытством оглядывая гостей, а гости любовались чудовищем.

– Перед вами Несси, легендарный обитатель озера Лох-Несс. Озеро сохранилось на одном из островов Шотландии, но сама Несси живет только у нас, в нашей замечательной Реальности.

Вслед за Несси гостям был представлен глубоководный Кракен – огромный осьминог, чьи щупальца, когда он их поднял над водой и протянул к Башне, почти дотягивались до края террасы. Потом по волнам проплыл титанических размеров белый кит, а за ним невероятной длины сельдяной король по имени Тройка, с тремя головами в ярко-красных гривах. Затем была представлена медуза по прозвищу Горгона – полупрозрачное с перламутровым отливом гигантское тело, похожее на купол и окруженное бахромой из серых водяных змей.

Гости удивлялись и ахали, но вскоре утомились зрелищем и начали не на шутку замерзать. Заметив это, реалист объявил:

– Прошу еще немного внимания, уважаемые гости! Сейчас вам будет представлен главный персонаж нашего Чудовищного Шоу – Змей-из-бездны!

Змей появился вовсе не из бездны, а выплыл откуда-то сбоку. Он был так огромен, что в его пасти без труда поместилась бы небольшая лодка. Глаза змея полыхали огнем, как у дикого зверя в ночном лесу, но при этом змеиный взгляд был осмыслен и выразителен.

– Змей-из-бездны – самое впечатляющее создание современных реалистов; не будет преувеличением сказать, что среди персон новейшего поколения он настоящий VIP – очень важная персона, и мы гордимся тем, что он вышел из бездны талантов нашего Банк-Реаля, – торжественно объявил реалист.

– Ну, это ты соврал, – громко сказал Мессия, пристально поглядев в глаза змею. – Этот змей вышел совсем из другой бездны, и мы с ним встречались прежде. Зовут его Випер, домашнему – Вип, так что с VIP ты, мальчик, угадал. И он еще не змей, а так – детеныш-змееныш. Что, малыш Вип, тебя выпустили погулять? А ну-ка, дружок, покажи нам, на что ты способен, накажи этого завравшегося человечка.

Випер медленно поднял голову над водой, показывая желтые полосы на шее и брюхе. Он нашел своими огромными глазищами Мессию и явственно склонил перед ним голову. Затем Змееныш-из-бездны подплыл к самому подножию Вавилонской Башни и начал медленно вытягиваться вверх, поднимая голову с горящими глазами до тех пор, пока она не оказалась вровень с террасой. Гости на балконе шарахнулись к стене Башни. Випер рывком распахнул пасть, и оттуда на гостей пахнуло невыносимым смрадом. Многие закрыли глаза, а некоторые и лицо, и поэтому мало кто видел, как монстр почти незаметным движением чудовищного раздвоенного языка смел с террасы бедного реалиста, не успевшего даже крикнуть.

– Молодому человеку удалось закончить свое шоу самым впечатляющим образом, – пошутил Мессия. – Благодарим тебя за доставленное удовольствие, Вип. Плыви по своим

делам, шалунишка. Настоящего Змея вы, господа, возможно, еще увидите, но вряд ли кто из вас будет в состоянии насладиться этим зрелищем так, как вы наслаждались сегодня.

Випер, к восхищенному ужасу гостей, снова явственно поклонился Мессии, потом со страшным плеском опал в воду, развернулся, выбросив несколько блестящих черных колец гигантского тела, и ушел в глубину. Поднятые им волны еще долго бились о подножие Башни, когда уже и гости, и сам Мессия покинули террасу.

Гости, теперь уже и вправду начавшие стынуть на ночном ветру, отправились ужинать и обмениваться впечатлениями в одном из бесчисленных ресторанов Башни, но хозяин праздника их покинул.

Мессия вошел в кабину лифта и приставил свой персональный код Я-1 к самому низу доски с обозначениями этажей. Лифт опустился в особый подвальный этаж. Там Мессию встретил некто в черном одеянии с низко надвинутым на лицо капюшоном.

– Все уже приготовлено для молитвы?

– Да, мой Мессия.

Они прошли по длинному пустому коридору и остановились перед высокой дверью из черного резного дуба. Мессия приложил руку к вырезанному вверху пятиугольнику, и дверь бесшумно отъехала в сторону. Они вошли в низкий зал со стенами и потолком из грубого серого камня. Вдоль стен тускло горели огромные свечи в больших, в человеческий рост, кованых шандалах, а между ними на стенах были укреплены грубые деревянные кресты. На крестах висели распятые человеческие фигуры. Почти все они были еще живы.

– Есть удачные экземпляры? – спросил Мессия у человека в черной мантии.

– Сегодня ничего особенного, мой Мессия, – ответил тот. – Вот разве что два брата; старший привез младшего, безногого мальчишку, на исцеление, и вы изволили его исцелить. Пока мы их поместили в разных концах зала, и они друг друга еще не видели. Прикажете начать с них?

– Пожалуй. Это может дать результат. Мальчишка был без обеих ног?

– Да, Мессия.

– Уберите и ноги, и руки. Потом тащите младшего на алтарь, а старшего – на главный крест. Сегодня я хочу говорить с Повелителем.

Мессия подошел к черному алтарю, над которым висел пустой перевернутый крест, сверху донизу покрытый потеками высохшей крови. Рядом стоял аналой с большой потрепанной книгой на нем. Мессия раскрыл книгу, полистал, потом начал читать монотонным голосом.

Через некоторое время служители в черном поднесли к Мессии молодого мужчину без сознания. Мессия взглянул на него, не прерывая чтения, и указал на крест. Служители перевернули крест, подняли на него неподвижное тело и привязали заскорузлыми от крови веревками к перекладине. Потом на носилках принесли еще одно тело, совсем короткое, накрытое красным покрывалом, и, не снимая покрывала, положили на алтарь, прямо под ноги распятому.

– Встряхните сначала этого, – кивнул Мессия на распятого.

Несчастный очнулся и закричал, когда один из палачей прикоснулся к нему концом электрического провода.

– Ну, ты по-прежнему благодарен мне за то что я исцелил твоего брата? – спросил его Мессия.

– Мессия! – закричал распятый, широко открыв глаза. – Я ни в чем не виноват, за что меня терзают эти люди? Спаси меня, о Месс!

– Ты что, не слушаешь меня? Я спросил тебя, благодарен ли ты мне за то, что я исцелил твоего брата?

– Да, да, мой Мессия, да, я благодарен тебе!

– А в уплату за это исцеление я и беру у тебя твою жизнь. Ну как, теперь ты проклянешь и своего брата, и меня, не правда ли?

– Нет, Мессия, я не проклянущу ни брата, ни тебя, – хрипло проговорил распятый, – я все равно буду любить моего братишку и благословлять тебя.

– Нет, так не пойдет. Ты думаешь, мне нужны твои благословения? Нет, мне нужны твои проклятия. Ты – жертва за брата.

– Тебе зачем-то нужна моя жизнь? Возьми ее, Мессия! Зато мой Тео теперь может ходить ногами по земле. Благодарю, благодарю тебя, мой Мессия, я ни о чем не жалею!

– Ну, это мы исправим – сейчас пожалеешь.

Мессия подошел к алтарю, на котором лежал младший брат пытаемого, сдернул с него покрывало и крикнул:

– Вот твой исцеленный брат! Смотри!

Опустив голову, старший брат поглядел на алтарь и увидел на нем своего Тео – с отрубленными выше колен ногами и руками по локти. Обрубки были перетянуты ремнями.

По залу разнесся отчаянный вопль распятого.

– Это мой брат! Ты исцелил, а потом убил его! За что? Зачем? Такого тихого, такого несчастного мальчика! Проклинаю тебя, изверг! Исчадие ада!

– Правильно говоришь. Но недостаточно громко. Сейчас мы это поправим, – сказал Мессия и повернулся к служителям: – Разбудите младшего.

К носу мальчика поднесли ампулу с сильно пахнувшей жидкостью. Он застонал, не открывая глаз.

– Ты хочешь, чтобы я убил его сейчас быстро и легко? – спросил Мессия старшего брата. – Прокляни меня самым страшным проклятием, на какое ты способен. Ну же, будь мужчиной!

– Добей, добей его, прошу тебя!

– Да, любишь ты сильно, но проклинаешь ты слабо.

– Чтоб тебя разорвало на куски, палач!

– Нет, все еще слабо, – покачал головой Мессия.

– Антонио, где ты? – застонал младший брат, не открывая глаз. – Мне снилось, что я хожу, Антонио! А потом мне во сне отрубили руки и ноги, и они даже сейчас еще так болят, так болят... Антонио, ты где? Помоги мне проснуться!

Старший брат замолчал и в ужасе смотрел вниз, на алтарь.

– Ну, прокляни же меня как следует, – продолжал Мессия, – и тогда я пощажу и тебя, и брата – убью вас быстро.

Младший вдруг приподнял голову и увидел прямо над собой распятого старшего брата. Он закричал и начал биться головой о каменный алтарь.

– Я проклинаю тебя, дьявол! – завопил Антонио. – Я проклинаю себя, Сатана! Боже, как я мог поверить обещаниям Антихриста?!

– Прекрасно! Тебя я тоже исцелил – ты прозрел. Продолжай, продолжай в том же духе! Ну так как же именно ты ненавидишь меня?

Мессия подошел, схватил с алтаря нож и аккуратно вспорол живот распятому: внутренности старшего брата вывалились наружу, сначала на его ноги, а потом сползли с них на лицо младшего, и тот, страшно закричав, захлебнулся и замолк. Старший еще долго был жив, минут пять, не меньше. Мессия ухватился за перекладину креста и начал медленно его вращать, жадно глядя в глаза распятому. Антонио молчал, но его умирающие глаза, которые не могли закрыться, когда он висел вниз головой, были полны ненависти. Наконец он содрогнулся и умер.

Мессия встал на колени перед алтарем и перевернутым крестом и протянул руки.

– Призываю тебя, мой Повелитель! – закричал он. – Приди ко мне, приди сейчас!

По подземному залу пронесся ледяной сквозняк, стена вокруг распятия в один миг покрылась льдом и засверкала. И тогда мертвые глаза распятого загорелись желтым огнем, сведенный судорогой рот раскрылся, выплеснул черную кровь, и вслед за тем из него вырвались скрежещущие звуки:

– Слушаю тебя, избранник. Говори!

– Благодарю, Повелитель. Скажи мне, должен ли я идти войной на Россию, Повелитель? Россия – оплот Православия, а мне предсказано, что я должен остерегаться православных христиан.

– Ты медлишь. Если ты будешь нерешителен, я выберу себе другого слугу.

– Нет, нет, только не это, мой Повелитель! Только не это! Скажи мне, что я должен делать?

– Ты должен уничтожить Россию, а потом и весь остальной мир. Уже пора. Я разрешаю тебе оставить только этот остров с Башней – для забавы.

– Когда я должен их уничтожить, Повелитель?

– Россию – этой ночью. К утру она должна быть стерта с Земли. Ты понял, ничтожество?

– Я понял, мой Повелитель. Я сегодня объявлю войну России и сброшу бомбы.

– Не объявляй. Просто взорви ее. Разрушь. Сожги. Уничтожь.

– Слушаюсь, Повелитель.

Желтые глаза погасли, в подземелье резко потеплело, по стене вокруг распятия поползли струйки воды.

Мессия встал с колен и быстрым широким шагом отправился к выходу из подземелья.

Люди в черном пошли вдоль стен, гася свечи в шандалах и походя закалывая длинными ножами еще живых распятых.

Глава 11

За два дня паломники обогнули западный берег Скандинавии и достигли пролива Скагеррак. Тут они увидели на горизонте длинную цепочку судов.

– Как вы думаете, друзья, что это? Почему в море столько судов? – спросил доктор.

– Я думаю, это и есть тот морской кордон, о котором говорил мой брат, – предположила Дженни. – Кажется, они нас заметили: в нашу сторону идут два глиссера.

– Доктор, вам лучше спуститься в каюту, – озабоченно сказал Ланселот, – мы с Дженни сами их встретим. Может быть, обойдется без обыска. Но сначала надо спустить парус, чтобы мы могли сразу остановить катамаран, если потребуется.

Парус спустили и дальше пошли на моторе. Доктор спустился в каюту, Дженни встала к штурвалу, а Ланселот взял бинокль и покатил в своей коляске на нос катамарана.

– Дженни, когда они приблизятся, заглуши мотор: мы должны сразу же показать им, что мы не злоумышленники, а законопослушные планетяне.

Вскоре глиссеры подошли к ним и прижались с двух сторон к бортам «Мерлина». Экологи, по двое с каждого глиссера, перепрыгнули на палубу катамарана и направились к Дженни и Ланселоту.

– Мне кажется, лучше с ними говорить мне, все-таки я лучше знаю военных, – шепнула Дженни.

– Попробуй, – так же тихо ответил Ланселот.

– Кто вы такие? Куда это вы пробираетесь? – спросил один из экологов.

– Мы плывем из Норвегии, офицер, хотя я вообще-то из Шотландии, – сказала Дженни, лучезарно улыбаясь экологисту. – Я была в гостях у брата в Тронхеймс-фьорде, а теперь мы с ним плывем на юг. Но мы не пробираемся, офицер, а идем совершенно открыто.

– Из Норвегии? В Европу?

– Ну да. Но не в Европу, а дальше. Мы паломники и идем морем в Иерусалим.

– Зачем?

– Мой брат инвалид, вы же видите. Мы плывем в Иерусалим, чтобы получить исцеление у Мессии.

– Предъявите ваш персональный код.

– Пожалуйста!

Дженни протянула офицеру правую руку, он достал карманный персоник и считал код.

– В самом деле – Шотландия. А ты, парень?

Ланселот подкатил к экологисту и тоже протянул руку. Его код также оказался в полном порядке, и экологист удовлетворенно кивнул.

– На судне еще кто-нибудь есть?

– Есть, – ответила Дженни и кокетливо хихикнула, – у нас имеется пассажир.

Ланселот удивленно на нее взглянул.

– Давайте его сюда, пусть тоже предъявит код.

– А он не может к вам подойти, офицер! Он, хи-хи, привязан!

– Что, еще один инвалид? А почему привязан? Буйно помешанный, что ли?

– Да что вы, офицер! Третий наш пассажир – это мой ослик, и он на привязи. Вон там, в палатке на корме! Видите, он голову высунул – приветствует вас. А персонального кода у него, извините, нет, он у меня, знаете ли, асик.

Экологисты дружно захохотали.

– Ну дает девчонка! Осел – асоциальный элемент!

Старший офицер снисходительно улыбнулся Дженни и прикрикнул на экологистов. Он достал кодоискатель и включил его. Ланселот и Дженни замерли, но прибор среагировал только на них и на самого офицера с командой.

– В самом деле, никого, – офицер убрал аппарат. Его заинтересовала карта на стене рубки. – Это вы свой маршрут обозначили тут красным пунктиром?

– Совершенно верно, – подтвердил Ланселот.

– Ну и ну... Сомневаюсь, что вам удастся дойти до Иерусалима. Вы знаете, почему мы вас задержали?

– Нет, – сказал Ланселот, – но я надеюсь, это не война с русскими?

– Слава Мессу, пока нет. В бывшей Европе беспорядки. Кое-где наблюдается нехватка продовольствия, а у людей не хватает мужества перетерпеть временные трудности. Прослышав, что Скандинавия и Британия не пострадали от саранчи, голодающие пытаются пробраться на север. Мессия распорядился о морском кордоне, чтобы сохранить нормальное положение в Скандинавии и Британии. Раз вы британка и скандинав, вы это поймете. Я думаю, вам лучше повернуть назад и лететь в Иерусалим вертолетом.

– Это приказ? – спросила Дженни.

– Нет, красавица, это совет. Нам велено заворачивать только тех, кто плывет на север, а вы идете на юг.

– Вы хотите сказать, что мы можем продолжать наше плаванье, офицер? – мило улыбнувшись, спросила Дженни.

– Да. Вы видите там, на востоке цепочку судов?

– Это еще один кордон?

– Нет, это суда с продовольствием, они идут из Скандинавии в Европу. Вы можете присоединиться к ним, и тогда дойдете без риска до северных европейских архипелагов.

- Но они движутся так медленно!
- Естественно, ведь это баржи.
- Нет, мы не можем идти с такой черепашьей скоростью. Мы пойдем сами по себе.
- В таком случае вы идете на свой страх и риск. У вас хотя бы есть оружие?
- Оружие? Ланс, у нас есть оружие?
- Мое охотничье ружье. Ну, еще коса, которой мы косим сено для нашего пассажира.
- А девушка вооружена?
- Нет.
- Должен вас предупредить, что ближе к Датским островам в море орудуют пираты и контрабандисты, а залив кишит лодками и плотами беженцев, пытающихся прорваться через кордон. Если у вас есть золото, я могу продать вам револьвер с патронами – отличное оружие для девушки.

Дженни сняла с руки браслет и протянула его экологисту.

– Наверное, мне и вправду надо иметь собственное оружие. Вот, возьмите, офицер! Это все, что у нас есть. Золото настоящее, не сомневайтесь, это старинный браслет!

– Чувствую по весу. Держите! – Он достал из висевшей на боку сумки и протянул Дженни увесистую коробку. – Тридцать второй калибр и к нему две пачки патронов. Теперь вы предупреждены и вооружены, и это все, что я могу для вас сделать. Идите за нами, чтобы вас никто больше не задерживал. Через кордон мы вас проведем, а дальше – ваше дело и ваше счастье. Уходим, ребята!

Экологисты, весело попрощавшись с паломниками, попрыгали на палубы глассеров, и тут же их моторы взревели. Дженни тоже запустила двигатель и пошла вслед за летящими вперед глассерами.

– Зачем ты отдала свой браслет, королек? Ты говорила, что это наследство и память от бабушки, а револьвер нам вовсе не нужен, моего ружья вполне достаточно. Ты же не собираешься стрелять в людей?

– Конечно, нет. Если хочешь, можешь прямо сейчас выбросить его за борт. Я просто заметила, что офицер все время поглядывает на мой браслет, и поняла, что экологист нарочно нас задерживает и пугает, чтобы получить его в уплату за оружие. Подумай сам, какие могут быть пираты в наше время? А Надзор-то на что? Но если бы мы показали, что не верим ему, и не стали покупать у него оружие, он мог бы устроить обыск в каюте, а вот это было бы совсем лишнее. Куда более лишнее для нас, чем этот револьвер. Ты согласен, сэр Ланселот?

– Согласен, королек. Ты все сделала правильно.

– Люблю, когда меня хвалят!

– А кто не любит?

– Смотри, револьвер в кобуре. Можно я буду носить его на поясе?

– Зачем, Дженни?

– Для устрашения.

– Ну ладно, носи для устрашения. Только стрелять не вздумай, а то еще поранишься ненароком.

– Сэр Ланселот! Братья начали учить меня стрелять из револьвера, когда мне было десять лет.

– И так – каждый день!

– Что «каждый день», сэр Ланселот?

– Узнаю о тебе что-нибудь новенькое, король Артур.

Переговариваясь, они внимательно следили, к какому из судов подойдут глассеры, а потом Дженни провела катамаран прямо под бортом этого судна. За ними следили с борта, но остановить не пытались. Они прошли кордон и направились дальше на юг.

Когда цепочка судов осталась далеко позади, Дженни передала штурвал Ланселоту, а сама спустилась в трюм. Доктор Вергеланн сидел на подвесной койке и читал захваченную из усадьбы книгу Известного Писателя.

– Доктор! Вы что, совсем не боялись, пока над вашей головой топтались экологи?

– Нет. Я знал, что все обойдется, наше паломничество не могло так глупо закончиться в самом начале.

– Вот как... А вот я ужасно боялась.

– Странно, я все время слышал с палубы ваш веселый, я бы даже сказал, легкомысленный смех.

– Доктор, это я со страху, это у меня нервное!

– Ах, вот оно что! Удивительная у вас реакция на испуг, – сказал доктор и снова уткнулся в книгу.

– Что-то я сегодня всех удивляю, – пробормотала Дженни, поднимаясь на палубу, – просто удивительно!

К вечеру на горизонте показался остров, а чуть позже паломники разглядели на нем серый замок с высокими крепостными стенами.

– Знаете, что это за остров, друзья мои? – спросил доктор Вергеланн.

– Нет.

– Остров Зеландия. Конечно, это уже не тот остров, что был до Катастрофы, но кое-что от него осталось. Прямо по курсу город Эльсинор и замок Кронборг.

– Замок принца Гамлета, – задумчиво произнес Ланселот. – Помнишь, Дженни, я тебе рассказывал о Гамлете, принце Датском?

– Помню, это такой говорливый и закомплексованный принц. А нельзя пристать к этому острову на ночлег? Мы с Патти оба уже устали от качки: море качается, небо качается, палуба качается. Мне уже хочется проверить, не качается ли и суша?

– Тс-с, Дженни! Вы счастливая, вам не приходилось видеть, как качается земля во время землетрясений. Это гораздо страшнее, чем самая сильная качка на море.

– Я вам верю, доктор, – сказал Ланселот, – моя матушка рассказывала мне, что творилось с берегами во время Катастрофы.

– Не пугайте меня! – воскликнула Дженни. – Все равно хочу сегодня ночевать на твердой земле!

– Но мы могли бы еще идти до темноты, а потом найти другое место для ночлега, – сказал Ланселот.

– Но Эльсинор же лучше!

– Чем он лучше любого другого места, Дженни?

– А тем, что, когда мы с тобой состаримся, мы сможем рассказывать нашим внукам, что во время нашего дальнего плаванья останавливались на ночлег у принца Гамлета!

Ланселот усмехнулся и повернулся к доктору.

– А что вы думаете о посещении Эльсинора, доктор?

– Я согласен с Дженни. Кстати, я вижу отсюда вход в маленькую бухту, в нее можно будет завести «Мерлина».

Вблизи выяснилось, что это была не бухта, а пролив, отделявший островок, на котором располагался замок, от остальной части острова, низменной и покрытой каменными руинами, между которыми росли трава, кусты и даже большие старые деревья. Катамаран завели в пролив и стали подводить к воротам Кронборга. Высокие стены королевской резиденции угрюмо наклонялись над проливом, из бойниц свисали ивовые кусты, вверх по стенам ползли щупальца

плюща, а по самому верху стен буйно разрослась трава. Вода пролива подходила к самым стенам.

Пилигримы причалили к воротам, из двух створ которых сохранилась только одна, решетчатая, покрытая ржавчиной и погнутая волнами. К ней и прикрепили конец, а трап спустили прямо на булыжник под сводами. Дженни первая спрыгнула с борта и пошла по проходу за решеткой. В конце его оказались внутренние ворота. Дженни толкнула тяжелые створы, старые петли заскрипели, и ворота разошлись. Она остановилась и оглядела двор.

– Тут никого нет – ни пиратов, ни бандитов, ни мутантов! – крикнула она, обернувшись.

Внутри замка-крепости громоздились руины, в толстых стенах щерились черные проломы, но напротив ворот стояло почти уцелевшее дворцовое здание. Пилигримы обошли двор, между плит которого пробивались сорняки и березки, и убедились, что, по крайней мере, во дворе замка действительно никого нет. После этого доктор вернулся на катамаран, взял из арсенала Ланселота мощный электронный фонарь на батарейке Тэсла, и они отправились осматривать дворцовые помещения. Большие залы, длинные коридоры, продуваемые сквозным ветром, были абсолютно пусты. Кронборг был необитаем и полностью разграблен, деревянные дверные проемы и оконные рамы отовсюду были выломаны, и только окна с каменными готическими переплетами остались на своих местах, но и в них не уцелело ни единого стекла. На каменных полах не было ни сора, ни пыли – вымело сквозняками.

– Все сперли в Датском королевстве, – сказал Ланселот, оглядывая очередной пустой и мрачный зал. – Может быть, останемся ночевать на «Мерлине»?

– О нет, пожалуйста, давайте сегодня спать на полу, который не качается! – воскликнула Дженни.

– Если мы хотим ночевать под крышей, – сказал доктор, – нам придется еще засветло перебраться через пролив и там поискать топливо для костра.

– Заодно пустим Патти попасться, – сказала Дженни.

Они снова вышли к катамарану, переправились через пролив и там пустили Патти на травку, а сами стали собирать сухие ветки кустарника и плавник на берегу и охапками носить его на катамаран.

Набрав запас топлива, они вернулись в замок. Дженни удалось обнаружить пригодное для ночлега помещение совсем неподалеку от входа, видимо, бывшую караульную. Это была комната с низким сводчатым потолком, с небольшим окном и закопченным камином, а главное, с почти сохранившейся железной дверью. Из нее был выломан замок и висела она косо, но когда Дженни взялась за грубую железную ручку, приподняла дверь и стала ее толкать к проему, та подалась и затворилась почти плотно. Вместе с доктором они перенесли в караулку спальники, пластиковый ящик с едой, посуду, контейнер с водой и собранное за проливом топливо. Затем доктор начал разводить в камине огонь. Сначала караульное помещение наполнилось дымом, но потом тяга наладилась, огонь запылал, и Дженни принялась стряпать ужин.

Ланселот, которого освободили от хозяйственных хлопот, поставил на широкий каменный подоконник дорожный персоник и настроил его на вечернюю программу новостей.

– Идите скорее сюда, Дженни, доктор! – закричал он через несколько минут. – Кажется, началась война с русскими! Россия напала на Планету! Послушайте, что говорит Мессия!

На маленьком экране они увидели лицо Мессии, взволнованное и озабоченное, но как всегда мужественное.

– ...и в ответ на вероломное нападение царской России наши доблестные ракетные войска нанесли сокрушительный ответный удар по врагу! Сейчас, когда я говорю с вами, дорогие соотечественники, Российская империя доживает свои последние минуты...

Тут экран коротко и ярко вспыхнул и сразу же потух. Звук тоже пропал. Но свет в караулке не исчез – ослепительный белый луч ворвался в крохотное помещение через окно и осветил его до последних углов.

– Это молнии? Это гроза? – испуганно спросила Дженни, уже понимая, что никакая это не гроза, потому что грозовая молния сверкнет и потухнет, а этот ослепительный свет бил с неба непрерывно, как будто снаружи прямо в окно светил мощный прожектор. Дженни закрыла лицо руками и отвернулась. Доктор схватил спальный мешок, бросился к окошку и стал затыкать его.

– Вы не боитесь, доктор, что этот свет – ответный ядерный удар русских? – спросил Ланселот. – В таком случае затычка из старого спального мешка нас не спасет. Придется спускаться в подвалы замка, если только они не затоплены.

Они стояли у железной двери, открытой в коридор, еще не решив, что им предпринять. Потом свет в коридоре стал слабеть, и через несколько минут в караулке светился только огонь в камине.

– Слава Богу, – сказал доктор Вергеланн, – это кажется, все-таки гроза. Я не на шутку испугался, что мы попали под ядерный удар.

– А вы думаете – не попали? – с сомнением спросил Ланселот, выглядывая в коридор. – Взгляните на небо, доктор.

Доктор Вергеланн подошел к нему и встал у оконного проема напротив караулки. Очень высоко в ночном небе продолжали метаться сполохи белого света. Проснулись и подняли тревожный крик гнездившиеся на острове морские птицы.

– Патти плачет! – воскликнула Дженни и бросилась по коридору к выходу.

– Пойдите, Дженни! – крикнул доктор. – Я провожу вас и погляжу, не нужна ли моя помощь.

Они вышли во двор. Патти стоял посреди двора, расставив ноги, и отчаянно кричал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.